

КАК НАСЧЁТ ТЕАТРА?

АЛЕКСАНДР ШИШОВ

05/09

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Шишов

Как насчёт театра?

«Автор»

2026

Шишов А. Г.

Как насчёт театра? / А. Г. Шишов — «Автор», 2026

«Как насчёт театра?» — пятая книга из серии «Розовый нафталин». О чём она? На этот вопрос трудно ответить двумя словами. Прежде всего — о счастье. О детстве и юности, о мечтах и сомнениях, о поиске и выборе своего пути. В этой книге множество историй — смешных и грустных, забавных и порой нелепых, неожиданных и совершенно абсурдных. Без таких историй, наверное, не бывает настоящей театральной жизни. Они приоткрывают завесу над миром сцены и закулисья, успехов и неудач, репетиций и спектаклей, профессиональных трупп и самодеятельности. Герои этих историй — самые разные люди, со своими характерами и амбициями, странностями и пристрастиями. Известные и не очень, талантливые и бездарные, яркие и увлечённые — те, кто любит театр в себе, и те, кто любит себя на сцене. А ещё это книга о времени. Театральные истории тесно переплетены с жизнью семидесятых — такой, какой она была на самом деле: без прикрас, с исторической достоверностью и с неистребимым привкусом молодости.

© Шишов А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Разговор в полупустом трамвае	6
2. Самодеятельность	18
2.1. Формула любви к театру	18
2.3. Пионерские будни	24
2.3.1. Марки	24
2.3.2. Драмкружок	29
2.3.3. Библиотека имени Аркадия Гайдара	33
2.3.4. Большой Книжный Шкаф	35
2.3.5. Мальчиш-Кибальчиш	39
РЕМАРКА № 1	46
2.4. Бескрайние подмостки Холодильного института	50
2.4.1. Боевое крещение	50
2.4.2. Непреодолимая тяга к искусству	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Шишов

Как насчёт театра?

– А кстати, – предложил Мурчик, – как насчёт театра?
Мурчика услышали. Мы остановились и вопросительно
посмотрели на него, ожидая продолжения...

*«Как насчёт театра?» – замечательное название для
следующего репортажа из харьковского общежития и
его окрестностей.*

«Финиковая баня». А. Шишов.

1. Разговор в полупустом трамвае

– Мне очень понравилось в сауне, – со вздохом признался Юра Любецкий по прозвищу Профессор, – жаль, что мало.

– Кому не понравится? – откликнулся Валера Подосочный. – Нам ещё и доплатили...

Полупустой трамвай наконец-то тронулся, и мы, усевшись плотной группой по обе стороны прохода, произвели основное первичное действие дисциплинированных пассажиров – купили билеты.

Длинная розовая лента, разбитая на трёхкопеечные фрагменты с указанием индивидуальных шестизначных номеров и номинала за проезд, была куплена, естественно, на средства, найденные под ковриком в бане. Билетами торговала касса самообслуживания, рассчитанная на честность и порядочность пассажиров, подавляющее большинство которых и составляло армию пользователей общественного транспорта. Доморощенные экономисты, не бросившие в щёлку деньги, но отмотавшие себе билет, то есть обокравшие государство на три копейки, были для Великой Страны не более чем допустимой статистической погрешностью. Но горе им, если подлог с билетами заметит бдительная бабуля или, ещё хуже, дедуля с орденой планкой – позорная публичная известность всевагонного масштаба обеспечена на всю поездку. Даже если в искупление вины будет куплено три билета вместо одного, считай, за десять копеек вместо трёх, трамвайно-троллейбусные аксакалы не успокоятся. Добив и устыдив уличённую в мошенничестве жертву, они перекинут возмущенное общественное мнение от частного к общему, как из дырявого мешка горохом, поминая все непутёвую молодёжь, космополитов, стилиг, тунеядцев, длиноволосиков, хиппи и тлетворное влияние Запада. Номенклатура отщепенцев, развращающих сознательное общество, зависела исключительно от исторического периода, в котором бравым пенсионерам, сплочённым сознательностью и тяжёлым назидательным прошлым, удавалось проявить свою возрастную дальнорзоркость и стать грудью на защиту великого достояния советского народа – бесконтрольную продажу билетов за проезд в общественном транспорте.

Кассы самообслуживания, если посчитать все «за» и «против», давали потрясающий экономический эффект. Они упраздняли армию кондукторов с неприлично низкими заработными платами и неоправданно высокими профсоюзными преференциями в виде санаториев, домов отдыха и отпусков, полагававшимися за бесконечный обмен клочков пронумерованных бумажек на кругляши металлических монет. Это с одной точки зрения, ловко скрытой прогрессивными газетными штампами. А с другой, по основной версии, – это факт безоговорочного доверия простому советскому человеку, повышающий его самооценку на пути к светлому, честному и справедливому будущему. «Лучший контролёр – совесть» под трафарет наносилось на доступные внутренние поверхности общественного транспорта. Там же, на свободных от лапидарных лозунгов местах, находили себе место вежливые напоминания о том, что «Первые четыре места для детей и инвалидов», строгие указания «Взял билет – проходи в салон» и, конечно же, лаконичные подсказки для слабоумных над каждой дверью – «Выход».

Обманывать кассовый аппарат было стыдно и неинтересно, и тем не менее иссушенные утренней жаждой студенты, как бы случайно окружившие агрегат, с лёгкостью зарабатывали на пару кружек пива перед лекцией, манипулируя на разнице между передаваемой для оплаты мелочью и количеством монет, опускаемых в кассовый зев. При всём этом неприглядном проявлении низменных инстинктов оставался только один положительный момент – количество билетов, отмотанных и переданных в обратном направлении, всегда соответствовало заявленным. Что честно, то честно.

– Дай мне, – Мишка Костецкий протянул руку за билетами, – обязательно должен быть счастливый.

Мишка, быстро пропуская ленту между большим и указательным пальцами, смотрел на билеты и сравнивал в уме сумму первых трёх с суммой трёх последних цифр, просчитывая результат со скоростью электромеханической машины «Табулятор Т5-М».

– Есть, – воскликнул Мишка и принялся старательно вырывать счастливый билет из средней части длиннющей ленты.

– Зачем ты это делаешь? – беспокойно спросил Профессор, видя, что дрожащий на стыках трамвая процесс изъятия счастья из очереди заурядных соседей задевал значительные интересы смежников, превращая их в обезличенные бумажки.

– Счастливый билет нужно обязательно съесть, – нравоучительно ответил Мишка, – а то удача отвернётся.

– Ну, хорошо, – повернулся к нему Манюня, он же Серёжа Коцюба, двухметровый гигант, – ты его съешь... А войдет контролёр, что ты ему предъявишь?

– Он заплатит штраф. И это будет его маленькое счастье, – пошутил Вова Муров по прозвищу Мурчик.

– Я шо, дурной, – обиделся Мишка, – я его съем, когда мы приедем.

Вялый смешок символически отозвался в ответ на Мишкино откровение.

– Это не очень-то и честно, – дружески стараясь поддержать шутку и Мишку одновременно, предложил я, – билет куплен на общественные деньги, значит, и он общественный. Предлагаю поделить счастье поровну и всем съесть по кусочку. В качестве таблетки от неудач.

– Таблетку под язык, – невнятно произнёс Шура Токаев, глядя в окно, но я его расслышал.

– Макаёнок, – в тон ему ответил я.

– Ничего не понял, – пожал плечами Серёня Сергеев, – о чём они говорят? Манюня, ты понял что-нибудь из их тарабарщины? Какую таблетку? Какой ребёнок?

Манюня неопределённо пожал плечами, предпочитая не вникать в подробности того, что ему неинтересно.

– Это спектакль такой. «Таблетку под язык» называется. А пьесу написал Макаёнок, а никакой не ребёнок, – пояснил я Серёне, – это фамилия у него такая. Макаёнок. Кстати, известный драматург...

– А мы его смотрели? – спросил Шура, вполоборота развернувшись ко мне. – Что-то не помню.

– Не-а. В «Сатире» мы смотрели только «Ревизор» и «Маленькие трагедии большого дома». На «Таблетку» идти сломало – один день из жизни председателя колхоза и всё такое... Вспомнил?

– О, «Маленькие трагедии большого дома», – оживился Шура и театрально процитировал Андрея Миронова: – «*Канане, вот оно, зараза...*»

– «*В его клопах дворянская кровь течёт!*» – подхватил я реплику, и мы рассмеялись сугубо своему далекому, московскому.

– Это правда, что вы в Москве все спектакли пересмотрели? – уважительно спросил Манюня и развернулся к нам с Шурой, перекрыв коленями проход между рядами.

Я задумался, прикидывая в уме вероятность положительного ответа, и после непродолжительной, вовсе не театральной паузы, с деланным глубоким вздохом, изображающим разочарование и досаду, произнёс:

– Конечно же, не все. Физически это, наверное, было возможно... Но такой цели мы перед собой не ставили.

– Мы вообще не ставили перед собой каких-либо целей, но в итоге побывали во всех театрах Москвы, открытых летом семьдесят пятого, уже позапрошлого, года, – уточнил Шура, поудобней устраиваясь на сиденье.

– Молодцы... Можно сказать, браво, – протянул Мурчик. – Это вы так в Москве на практику ходили?

– На практику мы ходили в свободное от театров время, – высокомерно, не скрывая покровительственной иронии, ответил Шура.

– А чем вам театры мешали ходить на практику? – пожал плечами Профессор.

– Ты знаешь, Профессор, мы сделали в Москве гениальное открытие, – доверительно наклонившись в сторону Профессора, сообщил я, чем вызвал в его глазах яркий огонёк повышенного интереса. – Театр и восьмичасовая смена за станком оказались патологически несовместимыми. Это социально взаимоисключающие элементы надуманного и насаждаемого мировоззрения. Это как кухарка, управляющая государством.

Шура решил меня активно поддержать:

– Поначалу думали, что всё успеем. На второй или третий день практики отработали, как положено, с семи тридцати утра до шестнадцати тридцати с перерывом на обед. Заехали в общежитие, переоделись и в театр...

– Как сейчас помню, – проявил я свою незаурядную память к деталям, – театр им. Ермоловой на улице Горького возле высотки «Интуриста». Спектакль по пьесе Фридриха Дюрренматта «Играем Стриндберга», а дальше мрак. Спать хочется... Я и так сяду, и этак, а сонливость, зараза, накатывает без продыху: голова заваливается то вперед, то назад. Ладонью подопру, локтем в ручку обопрюсь, смотрю в оба глаза, а потом брык и слетел. Смотрю на Шуру, а он голову на грудь опустил, дрыхнет, тихо так, без храпа, культурненько, и не заморачивается... Намучались... В том смысле, что я намучался, а Шура выспался...

– Но сделали вывод, – резюмировал Шура наше научное достижение, – спать в театре за два пятьдесят с человека – непозволительная роскошь. Или театр, или завод.

– После такого гениального умозаключения день посещения театра стал для нас святым. Да, Шура? Никакой работы. Отдыхали, высыпались, внутренне настраивались к встрече с прекрасным.

– А когда начался Московский кинофестиваль... – продолжил Шура, – и мы купили билеты в «Зарядье»...

– В очереди целый день простояли, с шести утра...

– С трудом достали, – дополнил Шура, – но только на утренние сеансы. Опять производство компрессоров от нас отдыхало...

– Так это сколько же денег надо, чтобы их на театры тратить? – облокотившись на широкую спину Манюни, подал голос Серёня.

Возникла пауза. Конкретно я бы смог ответить, но не здесь, а в Одессе, где у меня любовно, словно реликвии, хранились программки с карандашными птичками напротив фамилий артистов и билеты, естественно, с указанием цены. Осталось только дело за устным счётом или сложением в столбик.

– Наверное, много, – произнёс Профессор, производя в уме расчёты, не поддающиеся пониманию.

После чего уверенно произнёс, напоминая интонациями правильный ответ к сложной задаче:

– Но оно, видимо, того стоило.

– А вот некоторые... – Шура посмотрел в мою сторону, – бросив своих товарищей на произвол судьбы, в «Ленком» по контрамаркам ходили, бесплатно. Сколько?.. Три спектакля?

– Два, – гордо поправил я его, – на «Тиль» честно покупал билеты.

– А почему товарищей бросил? – с прокурорскими интонациями спросил Манюня.

– Кто сказал, что бросил? – удивился я. – Меня знакомая девушка в театр пригласила. У неё было только две контрамарки...

– А контрамарки ей Янковский дал, – язвительно вставил Шура, – сама так говорила.

– Это только на «Автоград XXI», – поправил я его, – а на «В списках не значился» Саша Абдулов.

– А это ещё кто? – поинтересовался Манюня, – я такого и не слышал.

– Ещё услышите, – уверенно сказал я, – очень скоро услышите. Парень нашего возраста, на два года старше, но талантливый... Главную роль в «Ленкоме» получил ещё студентом, представляете. Я смотрел на него и думал: «Какой я молодец! Какой я молодец, что не поступал в театральное училище!»

– А что, хотел поступать? – удивился Манюня. – Сразу после школы?

– Хуже, – признался я, – когда уже учился в нашем институте. Какие только дурные мысли не лезли в голову.

– Она ещё обещала его с артистами познакомить, – не унимался Шура.

– И познакомила бы, – уверенно отпарировал я, – но, ты же помнишь, театр уехал на БАМ. А когда вернулся, то знакомая девушка была уже незнакомой.

– И что? С практикой у вас проблем не было? Вы, по-моему, на «Борце» должны были работать? – поинтересовался правдолюб Валера, уже давно прислушивающийся к нашему разговору.

– Нет. Не было, – ответил Шура и, усмехнувшись, добавил: – Если не считать того, что однажды, одним прекрасным московским погожим деньком, меня с Шишовым выгнали с завода. Вручил нам начальник цеха наши неподписанные дневники по практике, забрал пропуска, и скатертью, говорит, дорожка... А так... Никаких проблем.

– И что? – с ужасом спросил Профессор. – Вы уехали в Одессу?

– Не успели, – скромно ответил Шура.

– Мы собрали свои пожитки и дошли уже до проходной... – медленно, как будто вспоминая, развивал я начатый Шурой ответ. – Я тогда ещё успел, глядя на мемориальную доску Зое Космодемьянской, подумать: «Вот, Зоя, ты тоже ушла с завода «Борец» и никогда уже сюда не вернулась...»

– Выходим мы из проходной на улицу, – продолжил Шура, – а нам навстречу Суркис...

– Наш Суркис? – не удержался Профессор.

– Ну да, Лев Давидович – доцент кафедры истории КПСС, – уточнил я. – Он меня сразу же узнал и так по-ленински, с картавинкой, бодро спрашивает: «Вы куда, молодые люди, в грабочее вгремя?». «Выгнали нас, Лев Давидович», – разводим мы с Шурой руками. А он: «Впегрёт, за мной. Кто выгнал? Гразберрёмся».

– Как он мог тебя узнать, если он у нас не преподавал? – не унимался Валера, следя за чистотой развития сюжета.

– В том-то и дело. Он меня по самодеятельности помнил, – ответил я.

– Ну-ну. Расскажи, чем ты ему так запомнился? – подключился к общей беседе Мишка, бережно удерживая между двумя пальцами счастливый билет. – Поразил своим талантом?

– А что рассказывать?... Был вечер, посвящённый седьмому ноября, в актовом зале. Сперва выступило руководство института, потом самодеятельность. Мы играли миниатюру про студента и профессора на экзамене. Я играл студента Рыбкина. Ну, первый же курс. Дурак дураком. Старшие товарищи надоумили, как сделать, чтобы ещё смешнее было... Короче. В самый ответственный момент сценки я, студент, в свое оправдание перед профессором произношу строго по тексту: «Я знаю Гегеля и Гоголя, Фейербаха и Баха!», а потом, как товарищи науськали, от себя добавляю: «Я и Суркиса знаю!». Зал, понятно, ржёт, все довольны, хлопают. А Суркис в зале... Сидит, меня запоминает. Я, если честно, не знал даже, как он выглядит. Фамилия уж очень смешная. В итоге – я заработал дешёвую популярность и строгое разъяснение по поводу реакции Льва Давидовича. Оказывается, он как член КПСС и доцент важнейшей кафедры в институте абсолютно не разделял веселье зрителей – это уже мне немного позже в комитете комсомола поведали, в частной, так сказать, беседе. И вот... Когда я увидел Суркиса,

выйдя с проходной, и он меня тут же узнал, то понял, всё – приехали. Станция Петушки – кипяток без очереди... Он меня не забыл...

– А вы знаете, как Суркису сдавал экзамен внучатый племянник Троцкого? – перебил меня Серёня.

Анонс Серёни произвёл эффект неразорвавшейся бомбы, возле которой сгрудились обречённые и обессиленные люди в трагическом ожидании счастливого конца. Повисла редкая для трамвая тишина. Все развернулись к нему в ожидании чуда.

– Дело было так... – очень обстоятельно, в лучах всеобщего внимания, приступил он к повествованию.

История, видимо, была древняя, передавалась из уст в уста, из поколения в поколение. Она приукрашалась небылицами, уточнениями и дополнениями, которые всё же самую суть происшедшего нисколько не изменили.

Дело было так... Как-то в Одесский холодильный институт из украинской глубинки, из небольшого местечка в черте оседлости, поступил мальчик по фамилии Бронштейн. Если бы мальчик по фамилии Бронштейн был из Одессы, думаю, с ним ничего подобного бы не произошло. Но первокурсник из Бобринецкого района Кировоградской области с такой знаменитой (исключительно в кругу любителей антисоветской истории) фамилией, поселившийся в общежитии в комнате с равнодушными к прошлому страны старшекурсниками, был обречен на розыгрыш.

Подготовка мальчика Бронштейна к экзамену по истории КПСС проходила туго: путались даты, события, съезды. Из фамилий он крепко знал только Ленина, с которого нужно было начинать любой ответ, и Сталина, о котором нужно было всё знать и ничего о нём не говорить. Ещё он знал Карла Маркса, но не был уверен в его непосредственном участии в октябрьской революции. И, конечно, Брежнева.

В этом месте натасканный на семинарах опытный студент наверняка бы не выдержал и меня поправил: нужно было произносить Великая Октябрьская социалистическая революция, а о Брежневе, если не хочешь получить «банан», – Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Верховного Совета Леонид Ильич Брежнев – и не меньше.

Сосед по комнате – искушённый старшекурсник, по-студенчески бесшабашный, в меру отморозенный, со специфическим чувством юмора и патологической любовью к сюрпризам – видя муки первокурсника Бронштейна, дал верный совет:

– У вас кто, Суркис принимает? Так чего ты мучаешься? Суркиса зовут Лев Давидович, как и Троцкого... Придешь на экзамен, возьмешь билет, сядешь прямо к нему и скажешь, что ты так же, как и он, уважаешь его двойного тёзку Льва Давидовича Троцкого. Добавишь, что изучил его все работы и полностью разделяешь его точку зрения... И, вообще... Ты же сам Бронштейн... Ну, ты должен знать, что настоящая фамилия Троцкого, как и у тебя, – Бронштейн. Кстати, ты ему не родственник?.. Скажешь, что он из вашего села, где все практически родственники... Запомнил? Гарантирую, Суркис прослезится, может, даже тебя расцелует и поставит пятерку. Только говори всё тихо, почти шёпотом. Суркис тогда проникнется... Уловил? А пока книжки в сторону – сбегай за пивом. Перед первым экзаменом нужно хорошенько расслабиться.

Фото из Интернета. *Лев Давидович Троцкий*

Бедный маленький Бронштейн под мудрым руководством соседа, сопровождаемый давящимися от смеха старшекурсниками, расслабленный после пива и абсолютно уверенный в своем успехе, решительно вошёл в аудиторию, где уже второй час принимали экзамен по истории КПСС.

Взял билет и, даже не читая вопросы, занял первый стол – идеальную позицию, позволяющую сесть к Суркису сразу же, как тот освободится.

– Вы, коллега, без подготовки? – восхищённо спросил его Лев Давидович, когда Бронштейн со строгим пробором на зализанных волосах и сияющими верноподданническими чёрными глазками расположился перед ним и принялся что-то тихо и невнятно говорить.

– Грромче, коллега. Грромче... – подбадривал его Суркис.

Суркис в отличие от многих других преподавателей начинал слушать студентов сразу, без раскачки, уделяя особое внимание вводной части и ссылкам на последний съезд КПСС и выступления Генерального секретаря КПСС – такая уж специфика у его любимого предмета, изучаемого во всех без исключения вузах страны. С первых же слов Бронштейна в воздухе запахло изменой, но глядя в честные и трепетные глаза взволнованного студента, Суркис никак не мог уловить смысл сказанного. Слова слышал, много знакомых слов, но они и близко не напоминали ответ на задание в билете. Временная растерянность резко оборвалась, когда до него наконец-то дошёл конечный смысл того, что лепетал маленький первокурсник.

– Молчать! – нервно прошипел Суркис.

Но Бронштейн продолжал лепетать заученный текст на «пятёрочку», может, даже с плюсом. Вот в селе обрадуются....

Лев Давидович одной ладонью схватился за сердце, а другой закрыл исторгающий крамолу рот Бронштейна.

– Фамилия? – еле выдавил из себя раскрасневшийся Лев Давидович после длительной паузы, в течение которой его вылезшие было из орбит заслезившиеся глаза вернулись на прежние места обитания.

Бронштейн, не имея возможности продолжать свой монолог, а тем более участвовать в более цивилизованном диалоге, сперва мычал, вносясь в ладонь доцента, но, не сумев ничего внятного воспроизвести, догадался указать пальцем на свою открытую зачетку, где на маленькой чёрно-белой фотографии было запечатлено его юное лицо в очках под шапкой курчавых чёрных волос.

– Бронштейн?! – с ужасом прочитал Суркис, грассируя от волнения ещё больше обычного. – Пгровокатор Бронштейн. И откуда ты такой взялся, Бронштейн?

Поняв, что с залепленным ртом чёткого ответа не будет, Суркис осторожно отнял ладонь, чутко прислушиваясь к тому, что лепечет студент, готовый в любой момент «закрыть фонтан» оппортунизма.

– Я что, я ничего, – не скрывая испуга, промямлил Бронштейн, – мне в общежитии сказали...

– Что сказали? – гневно зыркнул на него Суркис.

– Ну... Я... Это самое... Вы Лев Давидович, он Лев Давидович... Ну, что я, как бы... его все труды читал. Что он из нашего села, где все родственники...

– Кто гродственники? – напрягся Суркис. – Тгроцкий твой гродственник???

Студент растерялся окончательно, он ничего не понимал из происходящего. У него была совсем другая установка на ход событий. Мозг отказывался вникать, почему им недоволен преподаватель. Парень сник. Мысли уснули летаргическим сном. Бодрились только заложенные в подкорку обрывочные наставления соседа. Невзирая на реакцию доцента, одно из них всё-таки слетало с неподдающегося контролю языка.

– Я его внучатый племянник, – выдохнул Бронштейн как последний аргумент.

В глазах Суркиса и с интересом прислушивающегося преподавателя с той же кафедры истории КПСС последняя фраза Бронштейна была сродни тех, после которых на кладбище забивают в гроб гвозди.

– Вон! – взорвался Суркис. – Вон из комсомола! Вон из института! Пгроиски империализма пгросачиваются в высшие учебные заведения! Вон отсюда!!!

Этот крик окончательно убедил Бронштейна, что что-то идёт не по плану и нужно срочно менять тактику. Он вцепился двумя руками в стол, демонстрируя свою готовность умереть за правду, и громко заплакал, размазывая по лицу настоящие, искренние слёзы.

– Не надо меня вигонять. Я хороший... Ви меня простите, – на местечковый лад заголосил Бронштейн. – Меня, дурака, старшекурсники научили, я их все фамилии укажу, ви только спросите... Ви лучше их вигоняйте с институту, а меня нельзя... Я не знаю никакого Троцкого, я с ним даже не знаком. Он нам такой же родственник, как и ви. Никакой он нам не родственник. Ми Бронштейны, нас все знают, уважают, а он какой-то Троцкий задрипанный. Не знаю я никакого Троцкого...

Слушая ещё минут пять откровения Бронштейна, Суркис успокоился, даже стал понемногу улыбаться, особенно, когда маленький студент настойчиво приглашал его приехать в гости познакомиться с мамой.

– Хогрошо, – уже спокойно остановил Суркис его поток слов, обильно замешанный на слезах, соплях и вздохах отчаяния, – пгрийдется, батенька, всё же познакомиться с Троцким, а точнее, с кгритикой его пгроизведений.

В глазах Бронштейна отразился ужас. Он даже не подозревал, что существуют в мире такие противные и подлые фамилии, как Троцкий. Он ненавидел все семь букв по отдельности, и его трясло до зуда в руках, когда из привычных и простых четырёх согласных, двух гласных и неизвестно какой «й» складывалась ненавистная фамилия. Он не мог этого объяснить, но ясно чувствовал своим шестым исторически обострённым чувством, что даже при отсутствии ледоруба способен задушить этого неправильного Льва Давидовича собственными голыми руками. Если, конечно, мама разрешит.

– Сейчас вам «неуд», Бронштейн. Пгрядёте на пегресдачу. А завтра с утгра найдете меня на кафедре, я вам подготовлю матегириалы по Тгроцкому. До свидания.

Через два месяца Бронштейн, законспектировав труды по критике троцкизма величиной в первый том «Капитала», с блеском пересдал экзамен по истории КПСС и выбился в любимые студенты Суркиса – что было практически невозможным. А в конце первого курса скоропали-

тельно женился и поменял фамилию. Теперь он Седов... Опять измена... Видимо, увлекшись критикой троцкизма, юный Бронштейн недостаточно внимательно проштудировал биографию своего земляка. Седов – это один из псевдонимов Троцкого, по фамилии жены...

– Суркис оказался мировым дядькой, – Шура многозначительно обвёл всех взглядом, исключая попытки возражения.

– Так всё-таки, как он решил ваш вопрос? – повернул в нашу сторону острым носом Вова Соколенко, он же Сокол, видимо, припоминая схожесть событий со случаем из собственной жизни.

– Суркис явился нам ангелом-хранителем. Он совершенно случайно заехал на завод проверить, как проходят практику студенты. У него были другие планы, но что-то не срослось. С кем-то он не встретился на «Новослободской», а тут трамвай подошёл... Короче, если бы не он, мы бы с вами здесь не сидели...

– Короче, – перебил меня Шура, – он нас взял на поруки и в тот же день уехал обратно в Одессу.

– И что, вы потом каждый день ходили на практику? – ехидно спросил Валера.

– Дальше лучше, – решил я утереть нос Валере. – Начальник цеха при близком рассмотрении оказался нормальным мужиком. В присутствии Суркиса он со скрежетом зубным, с трудом удосужился нас выслушать, а потом, разобравшись в ситуации, неожиданно принял нашу позицию. А когда Суркис уехал, предложил нам вообще не ходить на завод, и подписал оба дневника.

– А что вы ему такое сказали? Заплатили, что ли?

– Начальнику цеха? Валера, ты в своём уме... – возмутился я и спокойно продолжил. – Мы работали на станках со счетчиками деталей. В конце каждой смены записывали их количество, а зная расценки, планировали получить зарплату 200-250 рублей. Большие деньги – было за что горбатиться. Потом пришло «плохое» литьё. Разжимаешь патрон, готовая деталь падает на руку, обжигает так, что подушечки пальцев белели. А по технике безопасности работать в перчатках нельзя. Тут нам мастер и говорит: «Работайте, ребята. Это литьё по двойному тарифу посчитают». То есть реально на глазах деньги из больших превращались в огромные. И мы, конечно, от звонка до звонка у станка – только стружку отгребай. Пришёл день аванса. Нам дали по пятнадцать рублей. А в зарплату ещё по двадцатке. Мы к мастеру, а он, сволочь, лыбится и говорит: «Много брака». А откуда взяться у нас браку, если мы придаток к шестишпиндельному полуавтомату: только ставили заготовку в патрон, а по окончании технологического цикла снимали готовую деталь? Наладчики через каждую сотню деталей подходили, замеряли параметры, корректировали настройки и вперёд, работай дальше. А он говорит – много брака. Мы тогда к начальнику цеха за правдой, а тот в отпуске. Хотели в профсоюзы, так мастер с нашим наладчиком там за главных. Плюнули, обиделись и посвятили себя театрам и кинофестивалю. А когда начальник вышел на работу, то мастер, гнида с гнилыми зубами, пожаловался на наши пропуски, ведь мы, скажем так, своим саботажем работы залезли в его карман... Нас начальник даже слушать не захотел. Вызвал к себе и без всяких наводящих вопросов спросил:

– По факту пропуски есть? Есть. До свидания.

Вот нас и погнали на проходную без обходного листа. Спасибо Суркису – начальник цеха нас всё-таки выслушал и быстро смекнул вопиющую дуриловку. Видимо, у него на мастера давно зуб вырос, поэтому вместо того, чтобы нас кандалами поруки и честным словом привязать к станкам, заставив рабами бессловесными продолжать работать «на дядю», предложил уйти досрочно и добровольно за две или три недели до окончания практики. Вот так мы и разошлись...

– Как в море корабли... – задумчиво, но уважительно продолжил Манюня.

– Здорово, – восхитился Профессор. – Вы на две недели раньше вернулись?

– Обижаешь, – хмыкнул Шура. – Мы из Москвы последними улетели...

– И как улетели, – мечтательно проговорил я. – Пошли брать билеты, а нам говорят: «Не хотите ли вылететь из «Шереметьево»?». А нам не всё ли равно? Из Шереметьево, так из Шереметьево...

– Обычно из «Внуково», – не утерпел Шура. – Словили частника на Ленинградском проспекте – чёрная «Волга», за десятку договорились, но предупредили, что опаздываем. А машинка оказалась непростой – со спецсигналом.

– Да. Он его как включит, сигнал рявкнет с воем, – перед нами все машины в стороны разлетались...

– И сам он летел за сто километров в час и это только по Москве, а за городом на шоссе...

– Шура, вспомнив, закатил глаза.

– Сели в самолёт, полетели. Вот тут и началось. Рейс был то ли в Иран, то ли в Ирак, не важно. Основных пассажиров было человека четыре, а чтобы места не пустовали, прихватили ещё желающих до Одессы, там самолет садился на дозаправку. Самолёт ТУ-134, но какой-то внутри особенный, экспортный, что ли. И стюардессы как на подбор, вежливые до невероятного. Сразу же после театральных леденцов и «Боржоми» газеты разнесли на английском языке «Moscow news» и «Morning star». Дальше, больше. Предложили клетчатые пледы, принесли шампанское в пластмассовых стаканчиках и разрешили курить. Мы с Шурой и запыхтели... А чего бы и нет. У нас с собой «Союз-Аполлон» – многие тогда ещё и не видели таких сигарет, они только месяц как появились... Меня мужик какой-то спрашивает:

– Как табачок?

А я ему:

– Ничего. Обыкновенный Philip Morris.

– И не угостил? – возмутился некурящий Профессор.

– Пожалел, – рассмеялся я. – Но Бог не фраер, он шельму метит. В Одесский аэропорт пришло человек двадцать нас встречать, как героев космоса. Вадик Фёдоров, бывший футболист «Черноморца», (см. Google) впереди всех. Вот он и углядел у нас несколько блоков сигарет и тут же, как презент, присвоил себе один. Не моргнув глазом, не дав опомниться. Вадик – соратник по Москве, ему отказать грех.

А потом принесли обед... Это я про самолёт... На линии Москва–Одесса... Вы когда-нибудь такое видели? Рядом через проход сидел немолодой одессит, он всё ахал и охал от восторга, а потом обратился к нам: «Ребятки, я вас умоляю. Когда прилетим, подтвердите моей жене, что это всё правда, а то она мне не поверит. Если, конечно, мне это не снится...»

– А что ж вы в Москве так долго делали, по театрам ходили? – скептически поджав губы, спросил Валера.

– И по театрам тоже... Не отпускала нас Москва, – тяжело вздохнул Шура. – Крепко держала...

Шура обреченно махнул рукой и задумался.

– А я вот в театре был последний раз ещё в школе, – пожаловался Мишка. – Нас в кукольный на «Курочку Рябу» водили в первом классе.

– Яркое воспоминание, – иронично заметил Шура. – Наверное, запомнилось на всю жизнь?

– А что там помнить? – оторопело посмотрел на него Мишка. – Снесла деду и бабе курочка яичко...

– Правильно говорить – снесла яйцо, – поправил я его, – оно же куриное.

– Ну вот. Снесла яйцо не простое, а золотое...

Совершенно неожиданно, вспомнив золотое, безмятежное младенчество в Липецке, флегматично вступил Мурчик:

– Дед бил, бил – не разбил, баба била, била – не разбила...

Манюня перехватил инициативу, ускоряя темп повествования:

– Мышка бежала, хвостиком махнула, яйцо упало и разбилось.

Эта странная ситуация из недалёкого детства показалась нам очень смешной. И не только нам – у нашего импровизированного спектакля появились заинтересованные зрители. Особенно веселился маленький мальчик, сидящий на коленях мужчины в клетчатой шерстяной кепке, кокетливо сдвинутой набок. Крупной вязки серый тёплый шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи, придавал ему вместе с кепкой провинциально-богемный вид. Малыш лет четырёх хлопал от радости в ладоши, задирали лицо, стараясь уловить взгляд отца и сказать что-то очень важное.

В трамвае были ещё дети, видимо, их забирали из одного детского садика. Ребяшня, сидя рядом с родителями или у них на коленях, завороченно замолкла и с интересом следила настороженными глазёнками за взрослыми разгоряченными дядьками, перебивающими друг друга и в полный голос на весь трамвай пересказывающими содержание порядком уже надоевшей в детском саду примитивной сказки про курицу. Без принцесс, добрых молодцев, царевен-лягушек, серых волков и разных всяких чудо-юд эта сказка казалась малышне очень скучной. В это же время их родители предпочитали, от греха подальше, не замечать шум и нездоровое веселье в вагоне, внимательно рассматривая дома и силуэты прохожих в серых сумерках за окном.

– Дед плачет, – в образе скорби продолжил Валера.

– Баба плачет, – чётко добавил Мурчик.

– А курочка куккудачет, – прокуккудахкал Мишка, размахивая руками наподобие крыльев, – не плачь кук-кудах дед, не плачь кук-кудах баба. Снесу я вам яичко...

– Яйцо, – механически поправил я его.

– Не золотое, – пропустив мимо ушей моё замечание, – а простое. Вот и сказке конец, а кто слушал, тот молодец.

Смеялись уже все: и дети, и их родители. О нас и говорить нечего, мы покатывались. Смех, с энергией выпитого сифона газировки, рвался изнутри, рискуя растерзать на части наши чисто вымытые в сауне животы.

– Папа, папа, – не выдержал малыш на коленях мужчины в клетчатой кепке, – это же наша сказка!

Мужчина с ребёнком сидел на одиночном сиденье сразу же за Мишкой, напротив Валеры и Мурчика. Невзирая на его попытки казаться безучастным, делая вид, что отвлеченно смотрит в окно или поправляет на коленях сползающего сына, он самым естественным и непосредственным образом был практически в эпицентре нашей беседы и волей-неволей был её активным слушателем.

– Да, да, – сказал мужчина, успокаивая сына поглаживанием по его меховой шапке.

– Скажи им, папа, что это наша сказка, – требовательно, чуть не плача, заявил малыш.

– Наша, наша, успокойся, – прижимая к себе обеими руками взбунтовавшегося малыша, проворковал мужчина и неожиданно громко у нас спросил:

– А какая, по-вашему, мораль этой сказки?

– А шо мораль? – не понял Мишка.

– Мораль – понятие географическое, – не к месту произнёс Шура, как обычно слегка и вскользь, но очень глубокомысленно.

– Какая там может быть мораль? – вмешался Валера. – Снесла деду и бабе курочка яичко... Оно разбилось – они плачут. Вот и вся мораль.

– Ошибаетесь, молодые люди, – укоризненно произнёс мужчина. – Вы упрощаете. Сказка «Курочка Ряба» – самая противоречивая сказка русского эпоса.

– Хорошо излагает, – Шура развернулся в сторону мужчины и подбодрил его многозначительно, – ну, ну...

– О чём, собственно говоря, сказка? – задумчиво произнёс мужчина, поправляя козырёк кепки. – Бабка и дедка поставили цель – разбить яйцо. У них это не получилось. На помощь пришла мышка. Результат достигнут, а они плачут. Почему?

– Вот именно, чего им плакать? – пожал плечами Мурчик.

– Им мышка не понравилась, – догадался Манюня. – Пришла незвано-негаданно, разбила яйцо. Кто просил?

– Правильно, – оживился мужчина с ребёнком, – и заметьте нюанс. Если в «Репке» мышку позвали... Правильно? И она помогла вытащить корнеплод, то в «Куточке Рябе» мышка явилась самовольно и навредила старикам. Но почему навредила? Может, всё-таки помогла? Как вы думаете?

Слушая мужчину, возникло стойкое ощущение, что он неоднократно произносил свои курино-рябистые измышления вслух, причем не на кухне в спину стоящей у плиты жены, а большому скоплению народа.

– Мы думаем, – захотелось и мне поучаствовать в этой игре, – дед и бабка хотели разбить яйцо с целью его употребления вовнутрь...

– Точно, – подхватил Мурчик, – они хотели сделать яичницу.

– Мышка, – продолжил я свою фантазию, – сбросила яйцо на пол. Бзынь!!! Оно разбилось. Желток с белком растеклись. Пол был грязный, подбирать побрезговали... Или другой вариант! Яйцо бзынь!!! Не успели старики сообразить, как его собрать, а тут из «Репки» прибежали собака Жучка с безымянной кошкой и всё начисто вылакали. Дед, естественно, плачет, баба тоже не отстаёт...

– Хорошая версия, – подбодрил мужчину, – ещё есть?

– На самом деле всё было намного проще, – оживился Мишка. – Дед и бабка прикинули, если каждому достанется по половине яйца, то в аккурат на золотые зубы выйдет. Вот и колошматили со всей старицкой дури, чтобы его поделить. Ничего не вышло – возраст не тот, да и яйцо, по всей видимости, крепкое попалось, толстостенное. Тут как тут молодая здоровая мышка с хвостом. Хрясь по яйцу. Получите и распишитесь. А они, конечно же, реветь. Это же теперь на троих делить золотое яйцо нужно! На зубы-то уже не хватает...

– Вот, вот, как хорошо, – загорелся мужчина. – У нас целый спектакль поставлен на эту животрепещущую тему. В нашем самодеятельном театре. А ваш покорный слуга в этом театре режиссер.

При этом, не снимая с колен ребёнка, он привстал с сиденья в полупоклоне, умудрившись символически дополнить приветствие приподнятой кепкой. Уловив уважительное потепление в наших глазах, он осторожно сел и продолжил:

– Обязательно приходите на премьеру. Увидите много версий отчаяния и счастья стариков. С вашего разрешения про яичницу и золотые зубы мы тоже включим. Вы услышите интересные размышления об образе мышки – по аналогии с нашими блюстителями порядка в серой форме. С одной стороны, они всегда готовы прийти на помощь, как в «Репке», а с другой – способны проявить вопиющее самоуправство, как в «Рябе», граничащее с корыстью, – он ещё раз поклонился в сторону Мишки. – У нас даже есть версия моего сына. Представляете, он высказал свою, совершенно неожиданную идею. Он предположил, что дед с бабушкой плакали, потому что из золотого яйца должен был родиться Золотой петушок. Представляете? Тот самый, из сказки Пушкина.

– Молодец, умный мальчик. А скажи, умный мальчик, – Шура, изображая нежность, обратился к малышу, – а из каких яиц должна родиться Золотая рыбка.

– Из рыбных, – хлопая в ладоши, громко объявил мальчуган. – Меня папа уже спрашивал. Из рыбных золотых яиц...

– Поверьте, – гордясь своим маленьким вундеркиндом, продолжил режиссёр, – вы увидите самобытный коллектив молодых амбициозных непрофессионалов и главное – социально острый современный спектакль. Через две недели, ждём вас в ...

– Через две недели нас в Харькове уже не будет, – вздохнул Профессор, вдохновлённый творческим напором режиссёра самодеятельного театра.

– Как жаль, может, всё-таки получится... – разочарованно протянул он. – Мне показалось, что вы любите театр.

Последняя фраза напрямую была адресована мне и Шуре.

– Ведь вы любите театр? – с безнадёгой в голосе спросил режиссёр.

2. Самодеятельность

2.1. Формула любви к театру

Попробуйте и вы. Наберите полные лёгкие воздуха и с придыханием спросите: «Вы любите театр?». Затем сделайте ещё один глубокий вдох, заполняющий непродолжительную паузу, и на едином выдохе задайте следующий вопрос: «Вы любите театр, как люблю его я?». Замрите... Вы услышите одушевленную формулу любви к театру, когда-то озвученную героиней Татьяны Дорониной в кинофильме «Старшая сестра».

Кадр из фильма «Старшая сестра». *Татьяна Доронина*

Тот, кто с самого рождения освобождён от тяги к коллективному созерцанию сцены – лицедейства актёров по заученным текстам с многократно отрепетированными жестами – в этом месте может остановиться, оглянуться по сторонам, поползти до ближайшего пунктуационного знака в виде точки и перешагнуть в следующую главу. Как вариант, сугубо из любопытства, может проверить себя на толерантность – благодушно перейти к следующему абзацу, опробовав на собственном эго профилактический курс социальной адаптации в инородной среде.

Те, кому вышеперечисленные сценические действия артистов сродни незаурядному творчеству, проявлению недюжинного таланта, эмоциональным впечатлениям или, ещё проще, добротному и, как вариант, престижному, но не утомительному времяпрепровождению, – можете продолжать чтение.

Просьба. Приобщаясь к моей субъективной оценке, постарайтесь проявить мудрость и снисходительность с высоты собственного восприятия безграничного пласта культуры – популярнейшего из миров под объединяющим названием «театр». Цитировать В. Шекспира, О. Генри, С. Моэма и примкнувшего к ним Г. Чхартишвили по поводу словосочетания «мир – театр» считаю в культурном обществе нецелесообразным – *sapienti sat* (лат.).

Итак, глубокий вдох... Выдох. «Вы любите театр?»

Любить театр – это как дышать. Как воздух, без которого не жить. Дыханию никто не учит, так и любовь к театру возникает сама по себе и органически вживляется в человеческую сущность.

Особая атмосфера зрительного зала, увлекающий сюжет, красивое режиссерское решение, мастерская игра артистов, изящные декорации, завораживающая музыка, волшебный свет прожекторов, обволакивающие волны вдохновения – и мир преобразился. Театральное действие околдовывает и смотрится на одном дыхании.

И невыносимо душно становится в зале, задыхаешься, когда на сцене фальшь, наигрыш, местечковость и самодеятельность. Хочется разорвать ворот рубашки, глубоко вздохнуть... Воздуха! Воздуха! И выскочить вон.

Если фальшь и наигрыш – это всего лишь проявление непрофессионализма, а местечковость определяется в узком историческом понятии неосознанным выражением излишков национального колорита, то с театральной самодеятельностью всё обстоит не так однозначно.

Вот тут внимание! Можно даже сказать, *Achtung!* (нем.). Не надо путать театральную самодеятельность как всенародное проявление любви к театру с самодеятельностью на сцене в виде шкурного самоутверждения отдельных личностей, распираемых собственными амбициями и ложной незаурядностью. Ему бы играть в театре одного актёра. И без режиссёра. Так нет, суматошные коллеги-актёришки путаются под его гениальными ногами, режиссёр-бездарность пристаёт со своим тупым видением пьесы, суфлёр-скотина тихо шепчет – пользы от них никакой, только мешают блистать и купаться в овациях. Такая самодеятельность – это крах профессионального театра. Об этом бессмысленно что-либо говорить, разве только с философской точки зрения – как о нуле, пустоте или ни о чём.

Приятнее обратить свой взор к бескорыстным аматорам от искусства, играющим во всевозможных самодеятельных театрах, студиях и прочих скоротечных сообществах. С достойным уважением упорством они воплощают в жизнь свои тайные мечты, сокровенные привязанности, скрытые склонности, неразделённую любовь и... как правило, заурядные способности.

Не скрою, чаще всего выступления театральных дилетантов, несмотря на их энтузиазм и безграничную уверенность в своих глубоко скрытых внутренних талантах, вызывают препятствующее дыханию кислородное голодание и сопровождаются острым расстройством функций нервной системы.

Но иногда... о-о-очень редко увиденная игра сродни плотку целебного эфира. Случается чудо – на фоне заурядных энтузиастов, бодро снующих по сцене, сверкнёт робким алмазным блеском глубинный самородок, требующий экстренной доводки опытной рукой профессионала в многогранный бриллиант. Бывает... Но так редко, что вероятней найти в песке на городском пляже свою утерянную прошлым летом серёжку.

Что такое успех в самодеятельности? Творчески мыслящему человеку легко представить длинную ленивую гадюку, переползающую через лежащий кирпич. Пройдя полпути, змея, согревшись на солнышке, заснула, голова и хвост замерли на земле, а пузико расслабленно прижалось к тёплой терракотовой поверхности. Ещё немного фантазии. Если прижаться щекой к земле и посмотреть на дремлющего потомка Главного Искусителя, то увидим справа и слева от массивного кирпича незначительные прозрачные сегменты, образованные естественными изгибами чешуйчатого тела. Эти сегменты являются единым целым с «подземным пространством». Чтобы их различать, присвоим им условные имена. Скажем, ту область, которая ближе к голове, назовём «мигрень». А ту, что, наоборот, с другой стороны, – «геморрой».

Говоря псевдонаучным языком, перед нами не уснувший гад ползучий, а график – кривая линия плотности вероятности успеха артистов самодеятельных театров в полном соответствии с распределением Гаусса.

В зоне кирпича, посередине графика, массовый успех середнячков, самоотдача, самолюбование и глубокое удовлетворение. В сторону хвоста, к конечной точке, черед беспроблемных творческих провалов, вычурный симбиоз геморроя и летальной творческой асфиксии – зона нисходящих провалов неудачников.

С противоположной стороны, где коварно затаился успех и царит торжествующее дуновение сценической победы, – область резко убывающей концентрации настоящих талантов.

Дойдя до самой крайней точки триумфа, это где-то на кончике раздвоенного языка змеи, счастливицы, отравленные истекающим ядом театральной богемы, как правило, навсегда бросают мирскую жизнь и связывают свою судьбу с театром.

...И тут просыпается мигрень и перерастает в постоянную головную боль.

Символические двери в самодеятельные театры открыты для всех. Впрочем, они никогда и не закрываются. Через распахнутые створки встречными курсами текут те, кто намеревается попробовать себя на сцене, и те, кто уже этого не хочет, не может или то и другое вместе в одном надтреснутом сознании. Циркуляция потоков сопоставима с круговоротом воды в природе и подчиняется своим специфическим, устоявшимся законам. В сторону сцены влечёт заманчивое течение любопытства и новизны, обратно истекают множество по-разному мотивированных ручейков. Журчит возмущёнными струями исключительная профнепригодность, сонно тянется потеря интереса, игриво искрится отсутствие обязательств, гордо гонит волну что-то очень личное, почти интимное; независимо проплывает чрезвычайно уважительное, весомое и непоколебимое.

С закономерным постоянством в самодеятельных театрах возникают и исчезают исполнители. Талантливые, бесталаные – не важно, любые. С непривычки это бесит режиссёров, они нервничают, внутренне истеряют, тушат окурки об авансцену, но очень скоро смиряются и аргументировано прикрывают творческие неудачи казённым словосочетанием – «текучка кадров». Оно и понятно. Это же самодеятельность. Здесь кайфуют – служат в другом месте. Там у них Мельпомены, Талии, МХАТы и прочие БДТ с Ленкомами и Ленсоветами. А тут по-другому: драмкружок, СТЭМ, театр клуба трамвайщиков или театральная студия при Дворце моряков.

Свершилось – любознательный Гольфстрим прибил новоиспечённого артиста к подмосткам самодеятельной сцены. Вход в систему у всех разный, но реакция на новый мир практически одинаковая. Собственный быстротечный энтузиазм застигает артистов-новичков врасплох. Словно зашоренные лошади они не замечают ничего кроме мишуры праздничного мира закулисья. Им кажется, что восприятие обострилось, душевные порывы участились, чувство прекрасного обновилось. Но это заблуждение. Типичное и повсеместное. В действительности это самообман. Со стороны видней, как на глазах пробуждается непреходящая, хроническая эйфория – инстинкт самосохранения блокируется насморком личной исключительности. Возникает состояние творческой невесомости. И достигается оно не отсутствием сил тяготения, а всепоглощающей увлечённостью и легкомысленным пренебрежением к трезвой оценке собственных способностей. Разойдись!!! Взлёт. И полетел... Парит местный, в тысячный раз реинкарнированный Качалов в системе координат между двумя указанными выше реперными точками заснувшей змеи. Чувство реальности подменяется одержимым вдохновением, мир теряет своё измерение и без устали звучит музыкой эльфов, окрашиваясь в неземные цвета. Нравится всё. И сам себе нравишься в новой среде обитания. Очень нравишься. Органичный такой... Возвышенный...

Скажу честно, не для протокола... Да, люблю себя в самодеятельности... Но смотреть на других... Не очень...

Ещё один вдох... Выдох. Не такой, как раньше. Другой. С иронией: «Вы любите театр?»

Для кого-то театр оказывается вторым домом, а для избранных – первым. Вместе с тем, увы, домашний уют не свойственен театру. Он даже не пытается сыграть роль гостеприимного

и радушного хозяина в шлёпанцах на босу ногу. Настоящий театр живёт сам по себе: с уязвимым чувством собственного достоинства, лицемерно пренебрегая ущемляющими обязательствами; в поисках высшей справедливости, в перманентной борьбе за независимость и с тайной подпиткой от глубоких доморощенных корней.

Да, доморощенных. А какими могут быть ещё корни творчества? Где ты прочитал свой первый стишок? Правильно, с табуреточки перед гостями. А станцевал первый танец и сорвал аплодисменты? Тоже верно – дома под ёлочкой. А ты помнишь, знаменитая актриса, как превратилась в принцессу – примеряя мамины наряды перед зеркалом большого шкафа? А первые робкие удары пальчиком по беленьким и чёрненьким клавишам скрытыми под тяжелой крышкой пианино?

Дети, конечно, разные. У каждого ребёнка свой путь для самовыражения. Если кто-то с пелёнок проявляет задатки к творчеству, то и другие не хуже – например, виртуозно ковыряют в носу. Главное, что и те, и другие это делают самостоятельно. А это уже претензия на личность.

У спектаклей самодеятельных театров есть своя неповторимая атмосфера. Глядя на их выступления, остро чувствуется непосредственность домашнего очага – отчего дома, дружной коммунальной квартиры, студенческого общежития. Его огонь готов согреть каждого, но греются возле него, как правило, только самые верные зрители – родственники и знакомые самодеятельных артистов.

Многоликое интеллигентное большинство снисходительно проскальзывает мимо любительских театров и, брезгливо оттопырив пальчик, избегает посещений сомнительных и далеко не престижных мероприятий. А зря. Устремляясь к профессионалам, зрители наивно надеются согреться у жаркого камина искренности, а подчас их встречает бесстрастное тепло казённых батарей центрального отопления.

Ещё раз... «Вы любите театр?» ... Выдох...

2

.2. Фигурное катание. Термины и определения

Популярность фигурного катания в СССР, а главное – успехи на крупнейших международных соревнованиях в шестидесятых годах не только массово подняли на небывалую высоту гордость за Страну, но и навсегда обогатили лексикон обывателей диковинными специфическими терминами.

Волнительное рассматривание в чёрно-белом изображении соревнований высочайшего уровня и подробное обсуждение увиденного с коллегами по работе в какой-то момент стало национальной чертой советского общества. Фигурист ещё не прыгнул, он только заходит попой вперёд на прыжок, а всёзнающий зритель, наученный комментариями Сергея Кононыкина, напряжённо гадает – какой будет прыжок. Один из шести: риттбергер, сальхов, аксель, флип, тулуп или лутц. Считает в полёте число оборотов и со знанием дела причмокивает, удовлетворившись безупречным выездом, или хватается за сердце, голову, печень, пятку (что ближе под рукой) в случае досадного падения. Коллективные, почти интеллигентные просмотры соревнований фигуристов под коньячок или валерьяночку чуть было не столкнули страну с естественного пути развития, предполагающего другие сопутствующие большому спорту общечеловеческие ценности – под футбол исключительно пиво с рыбой, а под хоккей, почему-то, водку с закуской. Видимо, чтобы не замерзнуть, зима всё-таки.

Бывалые зрители фигурно скользящего от победы к победе чемпионского конька вполне обоснованно громко и грамотно с восторгом хвалили телевизионное изображение спортсменов за красивый тодес, надёжную поддержку или замирали в ожидании устойчивого глиссирования после выброса с подкруткой и без. Страна упивалась доступным развлечением в прямом эфире, фанатично переживая за успехи наших спортсменов, и злорадно потирала руки при неудаче соперников. Благодаря фигурному катанию в Великой Стране во время трансляции соревнований, можно сказать, частично воплотились в жизнь заветы Ильича – возникло пол-

ное единение многонационального и многострадального народа. Частично потому, что реализовали только один завет сына Ильи Николаевича. А о втором в ажиотаже забыли – про руководящую роль партии. Ну, забыли и забыли, с кем не бывает...

Фото из Интернета. *Кумиры 60-х, Людмила Белоусова и Олег Протопопов*

Дети относились к фигурному катанию спокойно до тех пор, пока вдохновлённые родители не отводили их за руку на каток и не записывали в секцию. А не дай Бог, если тренер скажет, что ребёнок подаёт надежды... Прощай, детство: утром каток, днём каток, вечером каток, плюс по несколько раз в году обязательная программа – смотреть по телевизору соревнования фигуристов.

Обязательная программа – это устойчивый термин, пришедший вместе с фигурным катанием, прихватив с собой ещё и словосочетание «произвольная программа». Как понятия они существовали давно, возможно, вечно, но только фигурное катание их связало смысловыми узами, подчеркнув их диалектическую неразрывность не только между собой, но и с одним из трех основополагающих законов марксистско-ленинской философии.

А причем здесь самостоятельность?.. Фигурное катание – спорт, высокая политика руководства страны. Мы-то тут причём? С нашими любительскими театрами?

Вместо вразумительного ответа где-то на границе сомнения и подсознания слышится глуховатый голос с незабываемым кавказским акцентом товарища Саахова Б. Г. в исполнении Владимира Этуша:

– Аполитично рассуждаешь, аполитично рассуждаешь, клянусь, честное слово... Не понимаешь политической ситуации... Я, между прочим, товарищ Джабраил, сюда и поставлен, чтобы блюсти государственные интересы. Садитесь... Пока.

Что это значит? Если существующие репертуарные рамки когда-то были обезличены до уровня «можно», «нельзя», «можно, но осторожно», «нельзя, но попробуйте», то теперь благодаря чёткой терминологии фигурного катания стало проще и понятнее.

Все выступления должны быть идеологически выдержанные, в духе коммунистического воспитания, – это аксиома.

То, что для «галочки», «комиссии», «смотра» и «ответственного товарища из вышестоящей организации», – это обязательная программа. То, что для души, если только душа наша, советская, проверенная и утверждённая, – это произвольная.

Двадцать четыре часа в сутки отдай на реализацию обязательной программы, а остальное время твоё – занимайся произвольной программой, сколько хочется. Желаете выступить с произвольной программой? Вопросов нет. Выдай обязательную. Закрой позицию и твори... Но помни, нам решать, что показывать, а что нет. Это понятно? Всё. Время кончилось. С разговорами на кухню, на кухню... Вопросы потом.

– Что ты говоришь? Для души? Правильно, души. Души, пока не поздно. У нас смотр на носу, комиссия из министерства. Нужно себя показать! Не ударить, так сказать, в грязь лицом.

2.3. Пионерские будни

2.3.1. Марки

Пока творчески непоседливые взрослые дяди и тёти метались в муках нереализованных возможностей, зарабатывая на жизнь обязательной программой и мечтая реализовать в произвольной, дети невозмутимо смотрели на их суету немного сбоку и снизу, инстинктивно оказываясь везде и нигде одновременно.

Взрослая жизнь была им неинтересна. Она напоминала чёрно-белое изображение телевизора с маленьким экраном, приглушенным звуком и постоянными полосами помех, к тому же без кино и мультфильмов. Скучная и непонятная, как нелюбимое фигурное катание с неутолимимым и надоевшим повизгиванием:

– Смотри, смотри! Как красиво...

А что там красивого?

То ли дело яркие кубинские марки с рыбками и морскими созданиями – вот где красота! Цветных телевизоров не было. Маленькие зубчатые прямоугольнички и треугольнички, перелетевшие через океан, очаровывали и будоражили детское воображение своими неповторимыми красками и лаконизмом.

Классеры юных филателистов напоминали волшебную книгу, по первому же желанию переносящую их обладателей в фантастическое царство невиданных животных, рыб, птиц и растений; в мир машин, парусников, самолётов и безграничного космоса.

Красиво. И занятие для ребёнка подходящее. Безобидное. Сидит за столом, рассматривает альбом, в доме тишина и покой. Раскладывает марочки, перекладывает с места на место, сортирует – идиллия. Наконец-то утихомирился.

Это только так кажется. Марки коварны. Марки соблазнительны. Марки пагубны. Они обладают магией внеземного притяжения и вероломно влияют на своих обожателей. Они подчиняют собирателей своей воле, прикрываясь невесомой вуалью красоты и целомудрия. Они способны цепко завладеть разумом, особенно юным и неокрепшим, и совершать магические пасы одурманивания. В их власти формировать личность, морально закалывать, разрушать нравственные устои, развращать, совершать бесчестные поступки, пробуждать низменные инстинкты, воспитывать и перевоспитывать. Даже обучать – как сложному недетскому общению, так и элементам общественных наук в их практическом применении.

Горка зарубежных марок, высыпанных на зелёное сукно письменного стола щедрой рукой дяди Ралика, другом семьи, капитаном дальнего плавания, кажется кладом. Перебирая и систематизируя заморские сокровища, вмиг понимаешь и без нравоучительной подсказки Мудрого Карла, какая могучая сила этот первоначальный капитал. И с рассудительностью Фридриха, лучшего друга Карла Генриховича, задумываешься над тем, как диалектически рационально распорядиться свалившимся бумажным счастьем. Почёсывая макушку, явственно ощущаешь, как со столбцами только что выученной таблицы умножения пробиваются зачатки политэкономии.

Азы политической географии осваиваются ещё быстрее и органичней. Разноцветные и разновеликие представители стран земной шара чётко и мотивированно находят свои законные места за прозрачными целлулоидными полосками классера. И никогда, повторюсь, никогда, марка из стран социализма не попадёт в зону скопления капиталистических зубчатых резидентов. Более того, страны-акулы империализма не смешиваются с их колониями. Марки колоний считаются особенными, редкими. Они, если у кого и есть, занимают в альбоме самое почётное место и маленьким заветным островком подчёркивают статус коллекционера. Не собирателя,

а именно коллекционера, если уже есть «колонии» или подбираешь марки по определённой тематике.

Первые шаги по стезе собирателя марок, как правило, робкие, неуверенные и до обидного жалкие. Эволюционный путь постижения марочного мира, как ничто лучше, преподаёт зримые уроки исторического развития человечества. Начиная с самых истоков. Как и положено, с натурального обмена – визитной карточки первобытнообщинного общества. Нет, до обмена «марка на марку», до этой вершины товарного метаболизма, ещё ой как далеко. На начальном этапе, к обоюдной выгоде сторон, успешно применяется такое экономическое понятие, как бартер.

С одной стороны марка или серия марок, а с другой – что душа пожелает: от теннисной ракетки с пупырышками, оловянного солдатика «немузыканта» и машинки с заводом до водяного пистолета, пачки ленточных пистонов и рогатки с медицинской резинкой. Попадались запросы и понаглее – одна особенно охамевшая душонка востребовала у меня в качестве предмета торга папину старую офицерскую португую. Хорошо, что одну...

В который раз перелистывая листы единственного альбомчика, коленкорового, зелёного, с тиснёной золотой маркой на обложке в левом верхнем углу и надписью на обороте «От папы в день рождения 1963 год», я обдумываю варианты пополнения своего первого настоящего классера:

– «Серию «MALAYA» и Северное Борнео нужно придержать – это жемчужины коллекции. А вот эта – Георг с Елизаветой 12 мая 1937 с надпечаткой MOROCCO – сойдёт за колонию. Бурунди, жаль упустил, но Елизавета на марке SINGAPORE MALAYA – однозначно колониальная. И к тому же их две... Одну можно поменять... У Фрица, одноклассника Ромки Фридлиса... Он колонии собирает. За неё нужно запросить или мавританские треуголки с африканскими птицами, или польских динозавров. А если и то, и другое?.. Нет, Фриц хитрый. Потребуется в довесок ещё и мой зелёный GIBALTAR...»

«Вот если бы собрать все-все марки...» – как-то раз посетила шальная фантазия.

В ответ на несбыточное желание засосало под ложечкой. Так бывает, когда хочется кушать, а ещё... когда думаешь о Вселенной. О чёрном космосе без конца и края, о бесчисленном количестве звёзд, планет, миров, о пространстве, огромном, беспредельном, существующем всегда и везде. Если представить Вселенную перед сном, так жалко себя становится, до слёз. История безгранична и очень интересна, а человек – мимолётный свидетель – живёт только один раз и то каких-то жалких сто лет.

Обмен «марка на марку» – это уже прогрессивная подвижка. У малолетнего собирателя, переступающего со ступени на ступень марочнофильной эволюции, потихоньку начинают развиваться не по возрасту раннее чутьё и шахматный, многоходовый, образ мысли. Задумывая сделку, он уже смутно просчитывает несколько шагов вперёд – с кем и на что нужно поменяться, чтобы заполучить заветную марочку.

И не расслабляться. Полная сосредоточенность в общении с коллегами. Важно не только собрать коллекцию, но и сохранить её. Показывать свои зубчатые сокровища желторотым собратям по увлечению можно и нужно, но с великими предосторожностями. Существует несколько золотых правил для того, чтобы не потерять марку и товарища одновременно: следить за чужими руками, марки из классера не вынимать, не отвлекаться и не зевать. Таинственное исчезновение иногда целых серий после просмотра альбома вызывает бурную цепь последующих событий. Обидно, жалко, досадно, невосполнимо... Невосполнимо ли? Не вдаваясь в доказательную базу, предполагаемого воришку могут побить и отобрать марки – сначала выбрать свои, а потом прихватить и его, за расчёт. Как вариант, если мордобой по объективным антропологическим причинам не в пользу потерпевшего, прибегают к старому и проверенному веками способу – аналогичному безымянному воровству. Не сразу, это бросает тень недоверия. Через пару недель безмятежного сотрудничества. Однажды любимая марочка подозреваемого

субъекта сама – чтобы было понятнее, напишу так: САМА!!! – прилипнет к ловким с развитой моторикой пальцам злопамятного коллеги и навсегда покинет своего нерадивого хозяина. Зуб за зуб. Зубец за зубец. Марка за марку. Серия за серию. Закон джунглей номер раз... И вовсе это не воровство. Ты же не ворует, а тыришь – это совсем другое дело. Недостатком такого метода мести, как одного из видов пополнения коллекций, является самое страшное наказание – нельзя никому похвастаться. Бессмысленно. Цепкая детская память помнит каждую марку в любом классе друзей, товарищей или случайного человека, например, продавца марок под «Филателией».

Марки, к сожалению, не только выменивались, дарились, воровались, в смысле тырились, и обменивались – они ещё и покупались. Другими словами, марки стоили денег.

Юный коллекционер ещё не купил свою первую марку, он только-только накопил немного мелких денег и в сопровождении более опытных товарищей впервые добирается на трамвае к магазину «Филателия», а развивающая программа уже включилась – перешла из режима ожидания к инициации. Ещё немного, и процесс «деньги – товар» свершится! Есть!!! Собиратель кончился, из магазина с новой серией в маленьком альбомчике в две странички для переноса марок выходит новоиспечённый филателист. Поначалу он и не заметит никаких перемен, но вскоре, буквально в считанные дни, начнёт набирать обороты процесс взросления. Кончатся снисхождение, поблажки, беззлобность. Приоткроется новый мир, а там уже нет привычных детских понятий, всё по-другому – фундаментально, непрерываемо, по-взрослому. За деньги!!!

Повышенный интерес к маленьким цветным бумажкам – знакам оплаты почтовых услуг – и другим цветным бумажкам, побольше, – знакам оплаты за всё, что пожелаешь, – раньше положенного часа пробуждает потаённые вредные наклонности детского сознания. Первой просыпается, как всегда, хитрость. Она-то и определяет характер поведения в сложных экономических условиях, когда основным источником получения денежных средств является небескорыстная материальная помощь родителей, эквивалентная успеваемости и поведению. Источником проблем, зеркалом цифрового выражения успехов и провалов, является тетрадь с противным названием «Дневник». Именно в нём, в единицах измерения от 2 до 5, учителя, соревнуясь друг с другом, выставляют оценки и передают грозные приветствия родителям красивыми красными буквами. Немного сообразительности, терпения, умения подделывать подписи, и появляется второй дневник. Дневник отличника. Ну, это кому как. Некоторых полностью удовлетворяло ординарное отсутствие двоек. Конечно, и тетрадки приходилось дублировать... Кропотливо, но это того стоило. Раньше конца четверти и родительского собрания проблемы не возникнут – а коллекция при этом потихоньку наполняется.

Далее. К несвоевременно пробудившимся качествам можно отнести умение сравнительно честно зарабатывать деньги. То есть выполнять определённые виды работ, приносящие звонкую монету. Нет, не верно. Звонкую монету приносит игра в «пожара», а заработанная монета – она совсем другая – тёплая и потная.

Конечно, за вытирание пыли и мытьё посуды никто не платил, но добровольное выполнение этих нехитрых обязанностей как-то сразу располагало к себе родителей, особенно, если сделать это без напоминаний, демонстративно, публично, так, чтобы все заметили. Пробудившаяся хитрость развивалась быстро, с реактивной скоростью МиГ-21.

Вот он, хороший мальчик, пример для подражания. Недаром говорят: «Только тех, кто любит труд, пионерами зовут!». Или октябрятами? Не важно. Любит трудиться, значит, молодец. Он и пыль вытерет, и посуду перемывает. А в магазин сбегает? Конечно сбегает. С удовольствием, он только того и ждёт, чтобы, зажав в кулаке деньги, умотать за покупками. Но... По дороге обратно у него по неизвестным науке причинам развивается странная амнезия, проявляющаяся в злостном невозврате мелкой сдачи. Забыл вернуть... Его бы наказать за это. Но нельзя. Он ведь такой хороший... Посуду помыл, пыль вытер...

И бутылки все до единой сдал. И опять деньги невероятным образом домой дорогу не нашли. Опять запаматовал...

– А молочные почему не сдал? Тоже забыл?

Про них он, конечно же, помнил, но они не в счёт. С ними неинтересно – они идут в обмен на молоко с доплатой. Нет навару – «нема интересу»...

Какие ещё качества развивали эти маленькие вредные создания, летающие на конвертах по всему миру?

Наверное, всё же заботу о здоровом образе жизни. Никаких перееданий, почти строгая диета – экономия на школьных завтраках. Забыть про булочки, кексы и рогалики с соком. Все деньги маркам! Это почти что лозунг.

Ещё зрение. Оно само собой обостряется до орлиного, соколиного и ястребиного. Выбатывается зоркий, почти профессиональный, взгляд под ноги. На улице, в школе, в магазине, особенно возле касс, рыскали настороженные глазёнки в поисках мелких и крупных денег. И находили! Всё в классер, всё в коллекцию!

Рука об руку с условно полезными, но в целом добрыми и безобидными привычками следовали юный авантюризм и ранний прагматизм. Глаза научились быть честными всегда.

– Это ты стырил у меня марку?

– Нет, честное пионерское, – правдивей взгляда уже не может быть.

– Покажи дневник, – это уже дома.

– Он у классной, на проверке, – ответ с пол-оборота, не задумываясь, как чистейшую правду.

– Это, в самом деле, настоящая колония?

– Настоящей не бывает. Три рубля, – заговорщицки, тихо, доверительно, как самому родному и близкому человеку, в ухо начинающему собирателю редких марок.

Кроме остроты зрения и недюжинного знания глобуса чрезмерно расширяется кругозор, особенно у любителей собирать тематические марки. Любители «космоса» знают по именам и датам каждый шаг на пути к освоению Великого Пространства, включая полёты спутников, клички четырёхлапых первопроходцев и, конечно же, опознают при встрече любого космонавта и напомним ему дату полёта. У собирателей «фауны» названия птиц, породы лошадей, виды пресмыкающихся, разновидности динозавров и прочие термины животного мира слетают с языка намного чётче и быстрее, чем у студента биофака на выпускном экзамене. Имеется ещё одна особая каста... Этим энтузиастов мало кто понимает, но они всё-таки существуют. Собиратели «головастиков» – марок с портретами. Проще всех тем, кто специализируется на Ленине и съездах. А что творится, когда собираются коллекционеры широкого масштаба...

– Меняю Кирова 56-го года на Нахимова 57-го.

– Что ты хочешь за Цвирку?

– У меня в серии пробел – нужен В. В. Капнист, синий... И ещё Попов на льдине.

– Попов есть, негашеный. Меняю на Элеонору Дузе, тоже чистую.

В конце лета возникает ещё один способ накопления денежных средств, сезонный. Я лично относил этот вид заработка к самому тяжёлому и неприятному, требующему мастерства, преодоления внутреннего напряжения и сублимной застенчивости. Нет, не сбор винограда на даче у родственников. И не уборка листьев. Назывался он – продажа старых учебников возле магазина «Два слона». Это который напротив школы, через дорогу, можно даже сказать, прямо перед окнами нашего класса. Стихийный базарчик возникал недели за две до первого сентября. Продавали учебники прямо с тротуара, постелив на асфальт развёрнутые газеты. Мои чистые и аккуратные книжки ценились дорого. Денег с одного бывшего в употреблении печатного издания хватало на несколько марок, даже на серию, но успех давался нелегко. Больше всего меня смущали сами покупатели. Они все так подозрительно на меня смотрели... Ещё и эти...

Знакомые всякие... Приходят в магазин за канцтоварами и, конечно же, обязательно мимо нас, неумолимых зелёных букинистов. Конечно, букинистов, ведь не колбасой торгуем, а книгами.

Однажды моя классная руководительница, украинка, накрыла меня на самом интересном месте. Я как раз расхваливал тётке *підручник з української мови (укр.)* за шестой класс.

– Мама знает? – спросила классная, как обычно, строго и по-русски.

Вы бы видели мои честные и правдивые глаза...

В борьбе алчности со стыдом победила тяга к накоплению капитала – сезонная распродажа учебников способствовала пополнению коллекции новыми ценными сериями марок.

Неловко было торговать у всех на виду, зазорно, но оказалось, что с совестью можно тоже легко договориться. Достаточно немного артистизма, фантазии и одного небольшого усилия воли, чтобы перевести этично сомнительную ситуацию, а именно так выглядит перепродажа учебников пионером, в новую забавную игру. В весёлую, со счастливым концом и обязательно при зрителях. Неважно каких, от случайных покупателей до таких же, как ты сам, начинающих торговцев потрёпанными кладезями знаний.

И вообще, к собиранию марок относиться серьёзно вредно. Для здоровья в целом и для нервной системы в частности. Но с точки зрения школы жизни приобретённый опыт социальной адаптации и навыки по выпутыванию из всевозможных ситуаций бесценны. Об этом на уроках, конечно же, не рассказывают. А интересно, если бы преподавали курс по выживанию юных коллекционеров?.. Очень важный был бы предмет, особенно для мальчиков, каждый первый из которых был заражён вирусом собирательства.

Только представим. Тема урока – контакты со спекулянтами, втирающими мелюзге марки возле магазина «Филателия» на улице Короленко. Вопрос первый – как сразу не купить с рук то, что в магазине дешевле? Вопрос второй – как не купить то, что тебе не нужно? Вопрос третий – как удержаться от искушения, чтобы не потратить все деньги сразу?

Или, например, грамотное поведение на «разборках» – это когда партнёр по обмену передумал, хочет вернуть обратно свои марки и привёл старшего брата, большого и сильного, но марочек уже след простыл, сменили третьи руки, а одну из них съел щенок.

А может быть так... Скажем, контрольная работа на тему «Соппротивление неприкрытому шантажу». Рассмотрим ситуацию. Один крупный мальчик говорит тебе, хилому и домашнему ребёнку: «Или ты даришь мне эту маленькую симпатичную марочку, или получишь в рожу». Опиши своё состояние и предполагаемые действия.

Поневоле чувствуешь, как марки развивают не только молниеносную сообразительность и инстинкт самосохранения, но и глубоко упрятанные способности выходить сухим из воды. Выкрутиться. Как вариант, с честью выйти из щекотливой ситуации, остаться безнаказанным, то есть избежать заслуженного наказания, и прочие увёртки, уловки и маленькие незамысловатые хитрости.

А что касается продажи учебников... Этой придуманной игры, лицедейства, спектакля, развесёлого и удалого прямо на улице, то тут у меня был свой секретик. Я абстрагировался и представлял себя на сцене – играю новую роль с листа, как этюд, импровизируя по ходу пьесы. Это был не вполне настоящий я, торгующий подержанными учебниками, а образ, придуманный, нереальный, понарошку, на час-два не более. Прущий где надо и не надо артистизм, проникая в кровь под личиной будоражащего адреналина, неожиданно играл защитную функцию для мечущегося между добром и злом подросткового сознания, превращал нелицеприятные поступки в спектакль драматического кружка.

А потом... Попав на настоящую детскую сцену Дворца пионеров и без оглядки увлёкшись очередным новым пристрастием, я с удивлением заметил, как собирание марок постепенно утратило волнующую остроту, стало неинтересным, второстепенным. Оно переросло в вялотекущую привычку, которая, в свою очередь, перестала быть вредной и приняла форму

приятных воспоминаний. Если, конечно, не забыть открыть альбом с марками, чтобы их освежить. Не марки, а воспоминания.

А в альбоме... Море цветных телевизоров – маленьких зубчатых прямоугольничков, перелетевших через континенты, чтобы очаровывать и будоражить детское воображение своими неповторимыми красками и лаконизмом.

2.3.2. Драмкружок

К детским драматическим кружкам и детским театрам понятие «самодеятельность» не относится. Никак. В малолетнем ощущении сценического действия отсутствует чётко сформировавшееся «сам», а что касается «деятельности», то в качестве специфического вида осознанной человеческой активности она находится в зачаточном состоянии.

Правильнее было бы назвать игру детей в театре таким словом, чтобы оно выражало очевидное: ребёнок попадает на сцену таким, каков есть от природы, и играет абсолютно искренне. Возможен выбор между такими понятиями, как естество, природность, непосредственность, натуральность. Но только не самодеятельность.

Дети не играют в театре, они играют в театр. Спектакли юных исполнителей приходятся на особый период постижения себя как личности. Для них это первый пробный шар в осознании своих способностей и возможных жизненных приоритетов. Детский театр – это трамплин, с которого повзрослевший ребёнок либо улетает ввысь и навсегда переходит в профессионалы, либо, замерев на вершине, выбирает другой, заурядный путь, предпочитая полёту неторопливый спуск по ступеням любительских коллективов. Это совсем не означает, что тем, кто улетел, хорошо, а другим, кто остался в самодеятельности, плохо. Это разные измерения одной и той же действительности. Повзрослевшие дети рано или поздно встречаются в театре. Артисты выступают на сцене – зрители сидят в театральных креслах. Ничего нового и экзотического. Одни играют, другие смотрят. Одни зарабатывают, другие платят. Одни отдают душевные силы, другие ими подпитываются. Что ещё их объединяет, кроме нескольких часов, проведённых под одной крышей? Наверное, в разной степени и тех, и других интересует рецензия на спектакль в «Литературной газете», а также мнение уважаемого критика. И что очевидно – в равной мере забавляют околотеатральные сплетни.

И вот такая возникла ехидная мыслишка... Возвращаясь в детство, в самое начало, когда трамплин жизненных интересов ещё недостижимо далёк. У пионеров могли возникать вопросы по поводу исполнения произвольной и обязательной программ? Могли. Теоретически. Но никогда не возникали.

Обе программы органично укладывались в маленький театральный мир детей. Никто никого не обманывал – всё происходило, как ни странно, отчаянно честно. Если маленькому артисту удавалось «на отлично» справиться с тем, что было казённо и совсем неинтересно, его самосознание от этого только повышалось. Успешное преодоление трудностей, рутинных препятствий, прибавляло силы и уверенности в себе. Пионерский долг как диалектический вид коммунистической совести призывал изнутри, от сердца, искренне, с честью справляться с любыми тяготами. В данном случае с любыми жанрами выступлений: будь то формальное чтение стихов на очередном торжественном мероприятии в белых рубашках и галстуках или роль в сказочной пьесе любимого спектакля.

Понемногу, от выступления к выступлению, у ребёнка формируется устойчивое ощущение собственного «я». Маленький артист, выходя на подмостки, отдаёт себе отчёт, что он становится, хоть ненадолго, фигурой публичной, появляется зритель, его слушают, ему аплодируют. Он делает то, что ему нравится, то, что его увлекает, – выступает на сцене. Никто его не обязывает и не заставляет. Не хочешь – не играй. Хуже, когда в тебя не верят и могут заменить – не справляешься, не можешь, не способен, есть другой, лучше тебя, и он займёт твоё

место. Возникает новый этап взаимодействия – конкуренция. Ранняя, ревностная, до слёз и смертельных обид. Соперничество, зародившись за кулисами, продолжается на подмостках: в конкретном эпизоде, в учебном этюде, на каждом кусочке сцены, в отдельной программе, как бы её ни называли – произвольная, обязательная или ещё как. Тяга к театральности и желание выступать во сто крат превосходит пресловутые условности заполитизированных взрослых. Дети их высокие материи попросту не замечают, у них свой независимый мир. Полный интриг, влюблённостей, симпатий, антипатий, дружбы, ролей, спектаклей, выступлений, репетиций, успеха, разочарования и прочих острых ощущений на фоне открытого занавеса в неповторимое царство родственных театральных душ.

Что может сравниться с запахом пыльных бархатных кулис, в которые можно, незаметно завернувшись, спрятаться и напугать проходящую мимо девочку, ту самую, с беленькими косичками, а не какую-то другую? А пьянящий аромат грима как признак настоящей театральности, без которого и сцена не сцена? А разноцветные лучи прожекторов! Где ещё можно увидеть синее или зелёное солнце?

Маленький уютный зрительный зал одесского Дворца пионеров. Со сцены во время репетиций он казался непостижимо глубоким. Особенно в сумерках приглушенного света, освещающего ряды пустых кресел. И неузнаваемо чужим, словно ожившее морское чудовище, когда скрипучее пространство наполнялось зрителями.

Зал полон, сотни детских глаз в тревожном ожидании устремлены на пустую сцену. Вот-вот начнётся новогодний спектакль. Зал погружается в темноту. Опущен чёрный задник, сразу за авансценой, отгораживая игровое пространство, свисает невесомый тюль. На заднем плане, из дальних кулис, с зажжёнными свечами появляются Кай и Герда, они медленно идут на зрителя. Приближаясь, робкий огонь, мерцающий сквозь тюлевую занавеску, волшебным образом из маленьких язычков едва колеблющегося пламени превращается в огромные светящиеся шары. Золотое сияние тревожно колеблется на лицах остановившихся детей, подчеркивая важность предстоящего разговора. Щелчок выключателя. Два прожектора узкими, игольчатыми лучами высвечивают ребят сверху вниз, ещё сильнее затемняя всё, что их окружает. Происходит невероятное – дети парят в лучах света, переходящего от домашнего тепло-жёлтого робкого пламени свечи в белое морозно-холодное сияние Снежной Королевы.

К этому моменту маленькие артисты, свободные от следующего выхода на сцену, пробираются в зрительный зал. И совсем не для того, чтобы полюбоваться игрой Герды и Кая, играли они, как и все дети, наивно и искренне, заменяя неумелость утрированными жестами, а неправильные акценты непредсказуемыми повышениями интонаций. Тянуло другое. В этой сцене присутствовало самое главное, что нас всех притягивало в драмкружок, – чудо превращения. Будничное казалось сказочным, повседневное волшебным, обыденное магическим. Горели глаза, учащённо бились сердца, переполняла гордость – созревало осознание личной сопричастности к искусству.

Фото из Интернета. Зрительный зал Одесского Дворца пионеров.

Наша реальная детская сцена или, скажем так, подмостки, на которых мы выступали, были куда разнообразнее и шире, чем маленький зал Дворца пионеров. К моим одиннадцати годам мы уже выступали в Оперном театре, в цирке, в Украинском и Русском театрах. Такой широкий разброс не означал, что, кроме драматического исполнения пьес на русском и украинском языках, мы ещё пели, плясали и крутили сальто-мортале на спинах дрессированных крокодилов. Нет. Всё намного проще. Перечисленные выше театры и даже цирк периодически предоставлялись под проведение партийных и профсоюзных конференций, всевозможных партактивов и собраний передовиков производств. А кто торжественно откроет под барабанный бой политическое мероприятие? Конечно же, мы – звонкоголосые пионеры в белых рубашках и красных галстуках, по очереди выкрикивающие патриотические четверостишья.

В зависимости от темы собрания, опытной рукой художественного руководителя отдельные строфы выстраивались в одно единое целое стихотворение под названием «монтаж». А дальше дело техники. Чётко, слаженно, красиво, с чувством, выражением и глубоким проникновением в сознание скучающих слушателей.

На 7 ноября и открытие партактивов звучал патриотический набор:

*Клянёмся партии родной,
Клянёмся гвардии стальной,
Отцам клянёмся смело,
Что будем твёрдыми всегда,
Что не отступим никогда
От ленинского дела.*

22 апреля, в день рождения Ленина, кроме партии, в монтаже особое почтение имениннику:

*Ленин – на знамени нашем алом,
Ленин – в сердце большевика,
В каждом деле – большом и малом –*

В нашей жизни он на века!

10 апреля, в день освобождения Одессы, и 9 мая, в день Победы – ода Героям любимого города:

Одесса, жив Нечипуренко – он отстоял Отчизны честь!

Ты слышишь, Яша Гордиенко ответил на поверке – есть!

И это было здорово и неподдельно. Мы пионеры, будущие комсомольцы, на груди которых развеваются алые галстуки одного цвета со знаменем Родины, цвета крови наших отцов и дедов, отданной за светлое будущее, мы искренне, с гордостью и упоением выполняли нашу пионерскую работу – вносили свой посильный вклад в дело строительства коммунизма. Работа, можно сказать, не пыльная, не тяжёлая, но очень-очень почётная и звонкая.

И не надо кривить рот в снисходительном сарказме. Всё честно. Самое счастливое детство – это твоё детство. А если оно ещё без войны и голода, то счастливей не найдёшь.

Летом те, кто не уезжал из города, отдыхали условно – всегда были при деле. Приедет, например, в Одессу какой-нибудь высокопоставленный деятель. И опять, без пионеров никуда – цветы вручить, галстук красный повязать. Приплывет на теплоходе такой гость и спускается по трапу торжественно под музыку духового оркестра. На причале толпа людей, бросают цветы, размахивают маленькими флажками, милиция придерживает желающих прорваться поближе к очередному мировому лидеру. Только нас пропускают вперед, так сказать, без очереди. Пионеры – незаменимый атрибут официальной встречи. С двумя галстуками – один на шее, второй в руках, мы внимательно высматриваем руководство делегации, чтобы не допустить аполитичного шага и не повязать галстук кому-то из сопровождения. У нас между собой было негласное соревнование – выигрывает тот, кто повяжет галстук самому главному и попадет на следующий день на первую страницу центральной одесской газеты «Знамя коммунизма». При всей моей вёрткости, мне только однажды удалось отличиться и попасть в исторический кадр вместе с Луиджи Лонго – преемником Пальмиро Тольятти на посту генерального секретаря коммунистической партии Италии. Азартная, скажу, эта игра – галстуки пионерские повязывать.

В конце лета несколько насыщенных дней – мы торжественно закрываем смены в двух-трёх из несметного количества пионерских лагерей, а осенью, в сентябре, открываем городскую новинку – выставку цветов.

Была у меня сокровенная мечта... Пионерская и сокровенная одновременно. Я не просто мечтал, а составил подробный план и точно знал, как его осуществить. Я предвкушал и выжидал. Я реально ощущал, как, опередив всех своих товарищей по пионерской церемонии, мне удастся триумфальное воплощение в жизнь моей фетиш-идеи – повязать галстук Фиделю Кастро. А Фидель всё не ехал и не ехал. Я мысленно представлял, как, резко сорвавшись с места и обогнав коллег, первым добежу до Великого Кубинца и расторопно, несмотря на его бородину, справлюсь с завязыванием галстука красивым слегка выпуклым искрящимся шёлковым узлом. Как он пожмёт мне руку или по-отечески похлопает по плечу, а я в ответ вскину руку в пионерском салюте. Я педантично рассматривал фотографии Фиделя и выискивал на улице «барбудос» со схожей конструкцией бороды, прикидывая, как я буду пропускать под ней галстук, чтобы узел, не дай пионерский Бог, не оказался поверх его растительности. И самое трудное – с такими высокими дядечками, ростом метр девяносто, мне никогда не доводилось иметь дело. Присядет, не присядет? Пригнётся или к тому времени я резко подрасту?

Фотография из Интернета. *Фидель Кастро в Одессе, 14 марта 1981г.*

Увы, Фидель опоздал. Когда он приехал в Одессу, моё пионерское детство давно закончилось. Я стоял в плотной, возбуждённой толпе восторженных зевак, глядя, как он, в знаменитом зелёном полувоенном плаще с погонами, проходит по Куликову полю в тесном окружении своих и наших «товарищей». Конечно же, я ему помахал рукой, и он, как воспитанный человек, ответил тем же. Он вообще руку не опускал, приветствуя направо и налево всех подряд, пока не дошёл до кубинского консульства. Моим профессиональным взглядом номенклатурного пионера сразу же было отмечено отсутствие красного пионерского галстука на шее у Кастро.

– «Да, мельчает наше партийное руководство, – с сожалением отметил я. – Фиделя обделили – остался он в Одессе без галстука. Эх, приехал бы раньше, лет этак на пятнадцать. И галстук получил бы, и сфотографировались бы на память. А так... Жаль».

2.3.3. Библиотека имени Аркадия Гайдара

Как-то раз привёл я на репетицию драмкружка во Дворец пионеров своего товарища Шурика Сегала из нашего двора. Можно с уверенностью сказать, что это произошло в рамках интеллектуально-творческого обмена. Он меня когда-то давно, летом после второго класса, привёл в библиотеку имени Аркадия Гайдара, ещё в ту, для младших школьников. Её легко найти, если идти от Приморского бульвара по Театральному переулку: мимо широкой гранитной лестницы с чёрными чугунными перилами и старинными фонарями, мимо служебного входа в Оперный, затем вдоль разрушенного дома, отделённого узкими мраморными истёртыми ступенями от стены театра, к невысокому крыльцу новостройки, сразу же за кондитерским цехом.

Проходя с зажатыми подмышкой книгами рядом с распахнутыми окнами бисквитного производства, волей-неволей выворачивалась шея в желании хоть мельком увидеть сквозь многослойную марлю, защищающую цех от уличных мух, священнодействие повелителей манящего благоухания. От запахов, вырывавшихся на улицу, подкашивались ноги, а ноздри, словно

крылья встревоженных бабочек, не переставая, возбуждённо трепетали, бесконечным вдохом втягивая дурманивший аромат теплой ванильной сдобы.

В библиотеке, прямо с порога, возникал новый поток сложных запахов – книжный. Он успокаивал, настраивал на особый лад искателя и покорителя таинственных миров, скрытых под картонными и коленкоровыми переплётами. Эфемерный паточный букет кондитерского цеха только раздражал обоняние и способствовал выделению бесполезного желудочного сока. Он, при всей своей дурманящей красоте, проигрывал запахам библиотечным. Воображаемая воздушная сдобная булочка уступала место реальной духовной пище.

Летними свободными от моря днями, иногда случающимися исключительно по вине непогоды или несогласованных действий наших любимых бабушек, мы с Шуриком уже к открытию прибегали в библиотеку и, быстро вернувшись с новыми книгами обратно, рассаживались по своим любимым для чтения местам. Шурик у открытого окна второго этажа, предусмотрительно подложив под локти плюшевую подушку на прохладный светло-серый мрамор подоконника и удобно устроившись коленями на мягком сидении тяжёлого почти старинного стула. Я напротив через двор, на балконе, в тени сочных листьев невызревшего зелёного винограда Лидия, расположившись на широкой окрашенной бордовым суриком деревянной ступеньке.

В палящее полуденное время суток, когда средиземноморская культура выживания в знойном климате предполагает сиесту, в нашем дворе также царили липкая тишина и лениво воркующий сонными голубями покой. Наш закадычный друг Саня Сементовский с первым летним календарным днём отбывал на дачу в район 6-й станции Большого Фонтана, а его оставшиеся в городе буйные тёзки тихо, смирно и увлеченно читали, соревнуясь, кто быстрее справится с книжками и первым побежит в библиотеку за новым чтивом.

Но вот незадача, скорость оборачивания литературы тормозила противная библиотечка. Глядя с подозрением через лупы очков многократно увеличенными рыбьими глазами, она заставляла нас пересказывать содержание книг. Если бы спрашивала суть затёртых, обтрёпанных и зачитанных до дыр книжек про приключения и путешествия, то нас бы это нисколько не напрягало, но её интересовали только книги-довески, обязательные для чтения, – одна про войну или революцию, вторая на украинском языке. Мы ещё не были пионерами, а уже испытывали на себе закон единства и борьбы противоположностей в виде обязательного и произвольного выбора книг для чтения. Особенно налегала она на пересказ украинских книг.

Диалектика на октябрьском уровне подсказала – там, где принуждение, там и борьба. Ну, не совсем борьба, но мы с Шуриком, по мере подрастающей вместе с нами сообразительностью, выкручивались как могли. А как же иначе? Глядя на длиннющие, высотой под потолок, стеллажи с книгами из раздела художественной литературы, уже на самом раннем старте книжного марафона нам было очевидно – книг много, а жизнь одна, если будем отвлекаться на ерунду, пропустим много интересного.

Однажды Шурик, пересказывая украинскую книжку, перепутал и оттарабанил содержание другой книги, политической. Во время рассказа он спохватился, но видя, что библиотечка только кивает в ответ головой, уверенно продолжил свой рассказ до конца. Уличив её в том, что она и сама не знает, что написано в украинских книжках, мы сразу же перестали их читать. Чтобы не влипнуть, перед входом в библиотеку (сообразительность ведь растёт) просматривали краткую аннотацию в самом начале книги, это Шурик надоумил. Он, оказывается, и сам по ним выбирал – что читать, а что нет. Запоминали название самой книжки, это важно, и смело шли на обмен. Иногда библиотечка кого-то из нас спрашивала содержание обязательного к прочтению произведения, но ни разу так и не уличила. Причитав аннотацию и зная название книги, мы ловко на ходу придумывали небольшие истории, благо дело, ни я, ни Шурик не страдали отсутствием фантазии. Слушала нас тётя и монотонно покачивала головой, сосредоточенно заполняя бесконечные реестры поскрипывающей при нажиме пере-

вой ручкой. Аккуратно макнёт кончик острого пера в массивную стеклянную чернильницу, всколыхнёт вязкую, с радужными переливающимися разводами поверхность фиолетовых чернил и дальше пишет. Иногда посмотрит сверху вниз уставшими строгими глазами и, наверное, подумает: «Шкеты и есть шкеты – такие не обманывают, маленькие ещё...»

Этим нехитрым способом, не читая одну книгу из трёх, мы резко повысили своё скорочтение почти на тридцать процентов. Иногда удавалось словчить похитрее и отыскать на полках книжку про трудовые или боевые подвиги народа на украинском языке. Удачная находка давала полное право заполучить сразу две художественных. Самым простым способом считалось брать через раз или через два одну и ту же украинскую книжку с известным содержанием. Но риск попасться был непомерно высок. У библиотекарей в маленьких формулярчиках все ходы были записаны, и они с лёгкостью выявляли подлог, громко стыдили, грозились написать в школу, пригласить для разговора родителей и обещали прочие страшилки, вплоть до самой крайней меры – исключение из библиотеки.

Шурик, читавший запоем с дошкольного возраста, ценность существования библиотеки признал сразу же, как прочитал всё, что читалось, – детские книги, журналы, газеты новые и старые; соседские книги и все виды периодики за все годы. Не пропускал ни единой напечатанной буквы, не существовало где, – на вывеске или на проездных билетах трамваев и троллейбусов. Неуёмного книгочея записали в библиотеку, и в доме, а это маленькая, узкая комната в коммуналке, где, кроме Шурика, жили его бабушка и мама Белла с отчимом Сеней, воцарил долгожданный покой.

Порыв Шурика записать меня в библиотеку можно отнести к подсознательному желанию исключить мою персону из числа активных раздражителей, мешающих ему читать. И это ему удалось и даже более того – получило свое развитие. Во-первых, я беззастенчиво пользовался его подсказками при выборе литературы, уверенный на сто процентов в совпадении наших вкусов, даже если у книг были простые и ничего не выражающие названия, такие как, например, «Мартин Иден» Джека Лондона (первое знакомство) или «Пионеры», как оказалось, не наши, в галстуках, а Фенимора Купера. Во-вторых, я и сам азартно втянулся в чтение (как выяснилось, на всю жизнь) и, бывало, захваченный очередной увлекательной книжкой, неохотно откликался на его условный свист, настойчиво призывающий погулять во дворе.

2.3.4. Большой Книжный Шкаф

Вообще-то, книги у нас дома были. Много книг. Прямо-таки необъятная библиотека разместилась на бесчисленных полках в высоченном, почти до потолка, огромном старинном шкафу красного дерева, поблёскивая сквозь решётчатые арки витрин скрипящих дверей корешками книг с золотым тиснением. Новый человек, увидев шкаф, как правило, благоговейно замолкал, с музейным трепетом рассматривая непривычное зрелище. Ну как не обратить внимание на такую диковинную громадную красоту с тусклыми, потемневшими от времени бронзовыми барельефами: летящими дивами, молчаливыми ликами и упитанным карапузом с крылышками на спине, мчащимся по фронтону на античной колеснице. Кроме барельефов – характерных украшений для мебели в стиле ампир, в убранстве шкафа участвуют элементы скульптуры: женские миловидные головки и элегантные ступни ног. Упирается вся эта книжно-бронзово-деревянная многопудовая махина на звериные когтистые лапы, мощные, бронзовые, четырёхпалые. Логичным дополнением дизайна конца девятнадцатого века служат литые витиеватые, солидно выделяющиеся на фоне тёмно-красного благородного дерева, золотистые в малахитовой патине украшения: эмблемы со скрытым смыслом; орнаменты, наполненные символизмом; обводы, подчёркивающие строгость и завершенность композиции.

Большой книжный шкаф.

Шкаф излучает надёжность и респектабельность с лёгким оттенком тщеславной обиды. Ему бы в музее стоять на видном месте, глаз радовать. Чтобы видели в нём не вместилище книг, а настоящее произведение искусств.

Ему хотелось, чтобы им громко восхищались. Обсуждали персонажей – бронзовых шедевров, разнесённых талантом автора по его поверхности. Спорили о стиле и эпохах, доказывая друг другу, почему внизу на дверцах лица с крылышками на курчавых головах – это именно Гермесы, а не Меркурии. Находили общие черты в очертании шкафа с древнегреческими храмами, а головки и ступни женщин с вариацией на тему кариатид. Дискутировали с умным видом, сойдясь после долгих прений к единому мнению – колесницей управляет никакой не амурчик, не купидончик, а тем более не ангелочек. Но и тут возникает дуэль интеллектуалов – как правильно, Эрот или Эрос. Не придя к общему знаменателю, перебивая друг друга, знатоки описывают своё видение летящей по слоисто-кучевым облакам колесницы под управлением божества любви:

– Два коня, рвущиеся в галопе, ведут себя по-разному, как порывы души...

– Да, да. Один из них целеустремлённо тянет к намеченной цели...

– А другой, – подхватывает визави, – другой, мучаясь в сомнениях, всячески мешает своему партнёру – становится на дыбы, закусывает удила.

– Вы правы, коллега. От искусного управления этой несговорчивой парой во многом зависит жизненный путь...

– И не только... Зависит наипервейшее – лёгкость или тернистость преодоления предначертанной стези. Колесница-то судьбы, не иначе...

– А вы заметили шарф? Развевающийся на шее Эроса... Шарф подсказывает нам, что кони всё-таки скачут и достаточно быстро.

Фронтон Шкафа со скачущим Эротом (Эросом)

– Ничего нового, старый трюк. Этот приёмчик напоминает бегущего мальчика на картине Сурикова «Боярыня Морозова». В ней зрительно достигается эффект движения саней с Феодосией Прокофьевной. Становится очевидным – розвальни не стоят, а едут по натоптанному снегу.

– Гм...Вы обратили внимание на эмблемы?.. Тут и треноги, и змеи, и огонь.

– Нуте-с, нуте-с, посмотрим... Пенсне, пардон, запотело... Право, сударь! Да это же ребус... интересно-с...

Такой разговор, безусловно, мог состояться в те далёкие времена, когда на смену торжествующему интеллекту и просвещённости ещё не пришла гегемония пролетариата, не говоря о более позднем периоде – засилье селянщины.

Мои современники поступали проще: рассматривали шкаф бегло и никогда не обсуждали его неоспоримых достоинств, задавая один и тот же уважительный полувопрос-полуутверждение: «Старинный. Да?». После положительного ответа или, как вариант, кивка головы шкаф тут же из объекта заинтересованного внимания превращался в предмет пусть и нерядовой, но мебелировки комнаты.

Лично я, сколько был с ним знаком лично, использовал книжный шкаф исключительно утилитарно, по прямому назначению. На нижних полках лежали мои детские тонкие книжки, а на полке выше, попадая в зону стеклянных витрин, красовалась жёлтым коленкором любимая Детская энциклопедия в десяти томах.

Я почти никогда не обращал внимания на внешний вид старого шкафа, принимая как должное все его бронзовые штучки и антикварные красоты. Шкаф, он и есть шкаф. Ну, правда, о-о-очень высокий. Но ничего, успокаивал себя, подрасту, обязательно на него залезу, а пока не хватает ни роста, ни сил.

Прозрение пришло неожиданно вместе со звоном стекла. На вопрос подружки сестры, близоруко рассматривающей бронзовые лица и причудливые украшения: «А зачем на стёклах решетки?», я ответил решительным действием, предварив его кратким ответом: «Чтобы не бились». И для наглядности со всей дури первоклашки ударил по нежной декоративной сетке витрины... И замер... Эмоции вихрем пронеслись по моему глупому мозгу, меняя короткие всполохи удивления и разочарования на смертельный испуг, видя, как решётка под моим кулаком прогибается, и исполинское цельное стекло, словно в замедленной съёмке, неторопливо и неотвратимо лопаётся, рассыпается и падает внутрь шкафа острыми рваными пластами.

Под звон падающих осколков я услышал скрипучий бесцветный голос:

– Ну, ты и дурак...

Я резко вскинул голову и с подозрением посмотрел на девочку. Та молча, с раскрытым ртом, оглушённо глядела на зияющую пустоту дверцы. Я перевёл взгляд на шкаф. Он выглядел оскорблённым. Лишенный стеклянного шарма, он напоминал брошенный дом, оставленный впопыхах на произвол судьбы. Мне стало стыдно, тёрпкая волна жалости подкатилась к горлу. Ещё больше я пожалел себя, когда услышал приближающиеся по длинному гулкому коридору чьи-то взрослые торопливые шаги.

В раннем игрушечно-машинково-паровозном детстве я свято верил, что вещи имеют душу, слух и память на лица. А тут услышал голос. Голос шкафа. В первый и последний раз.

После неприятного инцидента со стеклом я часто и подолгу всматривался в лица бронзовых Гермесов, Ник, Эрота и кариатид, стараясь угадать, кто из них со мной разговаривал, хотя знал точно – говорил именно Шкаф (с большой буквы). Исключительно для удобства, свои нелицеприятные слова в мой адрес он вложил в уста кому-то из своей извечной свиты. Не сумев угадать обидчика, я тихонько подкрадывался и прижимался ухом к гладкой боковой стенке, пытаясь подслушать разговоры. Шкаф отвечал величественной тишиной или еле слышным поскрипыванием, чутко реагируя на мои тихие и вкрадчивые шаги юного исследователя овеществленных душ и одушевлённых предметов.

Книги Большой Книжный Шкаф всегда переполняли. Две самые представительные полки посередине витрины занимали мерцающие тусклым золотом восемьдесят два тома от «А» до «V» (ижицы) Энциклопедического словаря под редакцией Эфрона и Брокгауза с четырьмя книгами дополнений. За томами словарей притаились собрания сочинений Ленина и Сталина, испещрённые карандашными пометками на полях. Они остались от дедушки. Каждый партийный работник обязан был иметь у себя дома эти книги и в свободное от напряженной государственной службы время их изучать. Ещё там стояли высокие и не очень книги по медицине, альбомы с репродукциями картин, всевозможные собрания сочинений и просто толстые книжки для взрослых.

Много всяких книг скрывал старинный Шкаф за изысканными, вздыхающими и позвякивающими при каждом открытии и закрытии дверьми, но, увы, не было там «Тома Сойера», «Робинзона Крузо», «Пятнадцатилетнего капитана» и прочих важных книг, очень нужных в детстве, даже больше чем рыбий жир, прививки и санация зубов. Эти лучшие друзья мальчишек вели бесконечную востребованную жизнь, кочуя из квартиры в квартиру, и ненадолго, разве что на ночь, находили покой на тесной библиотечной полке.

2.3.5. Мальчиш-Кибальчиш

Так вот. Руководствуясь правилами ответного одолжения, ведь это именно Шурик топтал мне дорожку в библиотеку, – привёл я своего дворового товарища в наш драмкружок Дворца пионеров. Шурик давно просил, а я стеснялся. Робел и сомневался. Шурик хоть и друг, но упитанный, крепкий бутуз – может и не подойти, ещё и рыжий. Неприятно будет. Обидно. Однако все мои опасения, мучавшие меня по дороге до Дворца пионеров, улетучились, как промокашка, подхваченная весенним сквозняком. Реакция Лии Лавровны Шингарёвой, нашего режиссера, меня поразила. Увидев Шурика, она сделала несколько порывистых шагов навстречу, схватила его за широкие плечи и принялась крутить, разглядывая со всех сторон. Удовлетворившись осмотром, она с улыбкой произнесла своим неповторимым хрипловатым голосом:

– Какая красота... Ну, ты молодец, – это она ко мне, остолбеневшему, обратилась, а потом к Шурику, – как зовут?

– Саша, – с достоинством ответил Шурик.

– Шурик, – поправил я его.

– Шу-у-урка! – протяжно проворковала Лия Лавровна. – Рыжий! Настоящий рыжий. И веснушки! Ах, красота. И крепкий такой, – она решительно потрясла его за плечи, – почти толстый. Но не толстый, молодец.

– Ребята, – обратилась она к нам, – знакомьтесь это Шурка. У нас наконец-то появился Главный Буржуин, и мы приступаем к постановке «Сказки о Мальчише-Кибальчише». Кто хочет играть Мальчиша-Кибальчиша?

Все мальчишки тут же подняли руки. Я тоже поднял, чтобы не отставать от других, но в глубине души промелькнула неуютная двойственность. С одной стороны, я не меньше других мечтал о роли отважного борца с буржуями, а с другой, я был сыт под узел пионерского галстука ролями положительных героев. Мне так хотелось сыграть кого-то отрицательного: наглого, высокомерного, пренебрежительного, даже подлого – неисправимого двоечника или отчаянного хулигана.

И к слову сказать, вовсе не из-за пионерских монтажей на торжественных событиях. Мы все в них участвовали одинаково часто, с той лишь разницей, что у самых звонких и разбитных слов было поболее, а у остальных немного меньше. Все вместе, дружно, выбегали на сцену, читали свои тексты и при этом казались со стороны абсолютно одинаковыми, словно братья по инкубатору. А вот когда дело доходило до спектаклей, оказывалось, что мы все разные – вклю-

чался стереотип различий по внешним данным. И мне не везло больше других. На новогодних представлениях все люди как люди. Пираты, разбойники, лешие, черти, похитители Снеговика. Ребята в гриме, в костюмах, с саблями и пистолетами, дерутся на сцене. И за кулисами продолжают исподтишка друг друга покалывать тупым деревянным оружием. А мне, будьте добры, на белую рубашку жилеточка – это значит Кай, или пионерский галстук – очередной пионер Петя из репертуара на тему «Пионер – всем ребятам пример». А я и на Мальчиша-Плохиша согласен и на какого-никакого противного буржуина, но вслух об этом не говорю, а то, и в самом деле, снимут с роли отважного героя – Мальчиша-Кибальчиша.

Я бредил ролями плохих людей, говоря театральным языком, ролями отрицательных героев. Мне казалось, что их сценическая жизнь намного интересней, насыщенной и разнообразней, чем у понятных и предсказуемых положительных персонажей. Как и все, я без доказательств, на слово, принимал золотое правило – добро всегда побеждает зло – и готов был к концу спектакля в образе отрицательного героя потерпеть неизбежное фиаско. Но только до следующего выступления – поднимется занавес, и увлекательная эпопея общественного антагониста начнётся с самого начала. А сколько она продлится, минуты или секунды, это на совести автора, определяющего срок скоротечной взрывной театральной жизни своего отрицательного персонажа.

Иногда, в своих разбушевавшихся грёзах, я представлял, что попаду в какую-нибудь аварию, а ещё лучше – совершу подвиг. И у меня обязательно, как у Овода, появится шрам через всё лицо. Тогда уж точно все роли разбойников и пиратов будут моими. Вот разве что мечта повязать галстук Фиделю Кастро не сбудется. Кто меня возьмёт с такой бандитской физиономией? Никто... То-то. Значит, так – сначала Фидель, а потом подвиг. Это будет справедливо.

И как говорят, накаркал. Шрам я получил. От своего же друга Шурика. В результате неосторожного обращения с теннисной ракеткой во время очередного выяснения отношений у теннисного стола, под который я, кстати, и свалился, обливаясь кровью после его короткого, почти без замаха, резкого удара. Подробности драки можно освежить в памяти, вернувшись к моей второй книге «День варенья», глава «3.7. Бойцы», со слов «До двенадцати лет я дрался с постоянной регулярностью...»

Что сказать? До Овода мне было далеко – шрам не пересекал всё лицо, он только обозначился небольшой кривой отметиной вдоль левой брови. К двенадцати годам на моём лбу это уже был четвёртый шрам, заработанный за последние шесть лет безмятежного неуступчивого детства.

«Ну, – думаю, рассматривая в зеркале зашитый нитками багровый рубец, – теперь уж точно от ролей отрицательных героев отбоя не будет. Играть мне теперь разбойников, пиратов, а лучше всего рыцаря с длинным мечом».

Этот рыцарь чуть было не перерос в навязчивую идею. Мне ясно виделась одна и та же сцена. Спектакль без названия, новый, но с фехтованием на мечах главных героев. Я, конечно же, один из них. Выхожу на сцену в длинном алом плаще, не просто так, покрасоваться в серебряных латах из папье-маше, а на смертельный бой. На голове шлем с белоснежным плюмажем, в одной руке щит, в другой меч, длинный, обоюдоострый, с крестообразной поперечной гарды. Мой противник – Чёрный Рыцарь. Но я-то знаю, что это Шурик. Он по пьесе какой-то злостный отрицательный персонаж, а я, наоборот, как всегда, сильно положительный, но намерения у моего героя самые что ни на есть кровожадные.

Очень важно, чтобы зал был полон зрителей: мои и Шурика одноклассники, а также ещё одна девочка из параллельного класса. И вот, на глазах у всех, своих и его товарищей, у нас на сцене происходит настоящая дуэль. Мы долго и неуступчиво бьёмся на мечах, нарушив логику пьесы и не обращая внимания на крики из кулис Лии Лавровны, до тех пор, пока мой враг не будет повержен, и я не отомщу ему за свою совсем не смертельную, но обидную рану. Я даже допускал у Шурика небольшую кровоточащую царапину в качестве подтверждения моей без-

оговорочной победы. Да чего там допускал? В разыгравшемся воображении я выбирал место, куда направлю острие своего специально тайно заточенного деревянного меча. А если в глаз? Эта ужасная мысль охладила мой пыл, и после некоторого перебора уязвимых точек организма я остановился на смачном роковом шлепке плашмя по выпирающей попе. Там, согласно моей фантазии, защиты не должно было быть вовсе. Самое безопасное место, решил я, и на том успокоился, выжидая новый репертуар.

– На дворе трава, на траве дрова. Тридцать три корабля лавировали, лавировали, да не вылавировали. Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет, – со скороговорок начинаются наши репетиции.

Темп растёт, мы не отстаём, произносим слова чётко, членораздельно, быстро, не путаясь в буквах. Скороговорки сменяют чистоговорки, затем опять скороговорки – тренируем артикуляцию.

После разминки языка разыгрываем этюды. В тот раз задание простое, почти обыкновенное, – показать неожиданную встречу. Назначили меня с Шуриком в пару. А отношения у нас натянутые. Я ж в смертельной обиде и со свежим шрамом на балде. С Шуриком не разговариваю, гордо делаю вид, что мы даже не знакомы. А тут этюд играть... Что делать? Вышли, встали друг напротив друга. Не глядя в глаза, натужно изобразили, что рады неожиданной встрече и завели разговор, а он ну никак не клеится. Мы что-то невразумительное придумываем на ходу и, пыжась из последних сил, лепечем про погоду, учебу и последние фильмы. Тягостное общение сопровождалось неторопливым топтанием на месте. Сперва против часовой стрелки, а потом по ходу. Когда я, стоя спиной к зрительному залу, в очередной раз пытался невыразительным голосом поддержать умирающую тему, Лия Лавровна не выдержала:

– Стоп! Замрите, как стоите! – громко скомандовала она и поднялась на сцену.

– Что это такое? – возмущенно прохрипела она. – Почему ты стоишь спиной к зрителю? Это театр, а не кино. Это в кино тебя камера будет снимать со всех сторон, а в театре зритель там, – она указала рукой на ряды кресел, – его нужно уважать и говорить нужно не в задник, а в зал, людям... Зритель там, – для верности повторила она.

Она развернула меня вполоборота, лицом к залу, и встала напротив, точно так же, вполоборота.

– Привет! – разыгрывая заданную тему этюда, начала она.

– Здравсьте, – согласился я на игру с режиссёром.

– Давно тебя не видела. Ты болел? – спрашивала Лия Лавровна, настойчиво разворачивая меня за плечи лицом к залу.

– Нет... То есть да. Но я здоров, – промямлил я и машинально потрогал свежий шрам на лбу.

– У-у, какой у тебя шрамище, – воскликнула Лия Лавровна, хотя она уже раз десять его пристально рассматривала и до репетиции, и во время, вздыхая и недоуменно покачивая головой. – Подрался?

– Угу, – совсем не по-театральному ответил я.

– А кто первый драку начал?

– Я, – совершенно неожиданно для себя и, главное, не со свойственной мне правдивостью, признался я.

– И ударил первым?

– М-м-мда, – я кивнул, краснея и глухо мыча, как телёнок.

– Первым начал и получил, – продолжила Лия Лавровна своим характерным надтреснутым голосом.

Она развернула меня к свету, изображая, что рассматривает мою боевую отметину:

– Помирились?

– Ни за что! – выпалил я. И добавил медленно, с вызовом, – Я ему это никогда не прощу.

Это было сказано в образе благородного серебряного рыцаря с бескомпромиссной поволокой на устремленных вдаль упрямых глазах. После чего я с пафосом продолжил:

– Я ему отомщу.

Услышав моё безапелляционное заявление, Лия Лавровна поперхнулась на своём первом слове, которое она намеревалась произнести в ответ, закашлялась и долго, согнувшись, смеялась, уперев жилистые руки в колени, обтянутые простыми нитяными коричневыми чулками. На пальцах тускло отсвечивали серебряные колечки, из её глаз текли настоящие слёзы, нос покраснел, и она в своей короткой, до плеч, стрижке соломенных волос совершенно неожиданно оказалась похожей на солнечного клоуна Олега Попова. Мне стало тоже очень смешно. Подражая своему любимому наставнику, я залился счастливым смехом. Ребята в зале развеселились, покатываясь в креслах, и демонстративно хватались за животы. Тихо посмеивался на сцене Шурик. Не меняя заданной вполоборота позы, он скосил глаза, поглядывая в мою сторону.

– Ну, ладно, – еле продохнула Лия Лавровна, вытирая слёзы. – Если хочешь отомстить – отомсти, но по-мужски... Прости Шурку, а он тебя.

Всё ещё глупо улыбаясь щелью между передними зубами, я непонимающе смотрел на неё.

– Потом когда-нибудь поймешь, а сейчас пожмите друг другу руки.

Так мы и сделали. Солидно пожали руки на глазах у всех, прямо на сцене, сорвав, как и положено в конце спектакля, заслуженные аплодисменты.

Мшение не состоялось, зато возникло соперничество: кто лучше играет в теннис, кто больше прочитает книг, кто быстрее проедет на велосипеде. Были исключения, не требующие подтверждений: Шурик был намного сильнее, зато я быстрее бегал. Однако наученный горьким, болезненным, и чего уж там мямлить, кровавым опытом я больше Шурика по чьм зря не задевал.

Выяснения отношений из библиотечной пыли и теннисных баталий медленно и уверенно перебрались в наш детский театр, на сцену.

Но из всего имеющегося арсенала подручных средств для проведения театрального единорбства у нас с Шуриком была только одна совместная сцена в «Сказке о Мальчише-Кибальчише». Он, как и было заявлено, – Главный Буржуин, а я, тот самый Мальчиш-Кибальчиш, скованный кандалами и отказывающийся под страхом смерти открыть Военную тайну.

Главный Буржуин подрост. 1968 год. А.Сегал (Шурик)

Шурик так вжился в образ Главного Буржуина, что сам на себя не походил. Нахохлившись, уперев руки в бока, он обращался ко мне страшным, слегка завывающим, вражеским голосом:

– Ты скажи, Мальчиш, проклятый Кибальчиш, нет ли у Красной Армии военного секрета? Нет ли откуда помощи, нет ли тайного хода во все другие страны?

Повернувшись ко мне вплотную, он долго, как учили, с ненавистью смотрел в мои немигающие гордые большевистские глаза, после чего, обескуражено разведя в стороны руками, задумчиво произносил:

– *Потому, что как у вас кликнут, так у нас и откликаются. Как у вас запоют, так у нас и подхватывают. Что у вас скажут, над тем у нас задумываются.*

Тут подходит моя очередь говорить текст. Приспешники Главного Буржуина нацеливают на меня свои ружья, Главный Буржуин нетерпеливо замирает в ожидании расплаты за молчание, а Мальчиш-Кибальчиш ему и отвечает:

– *Есть у Красной Армии могучий секрет. Есть и неисчислимая помощь, и глубокие тайные ходы, но вы не найдете их. И когда б вы ни напали на нас, не будет вам победы. А больше я вам ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться.*

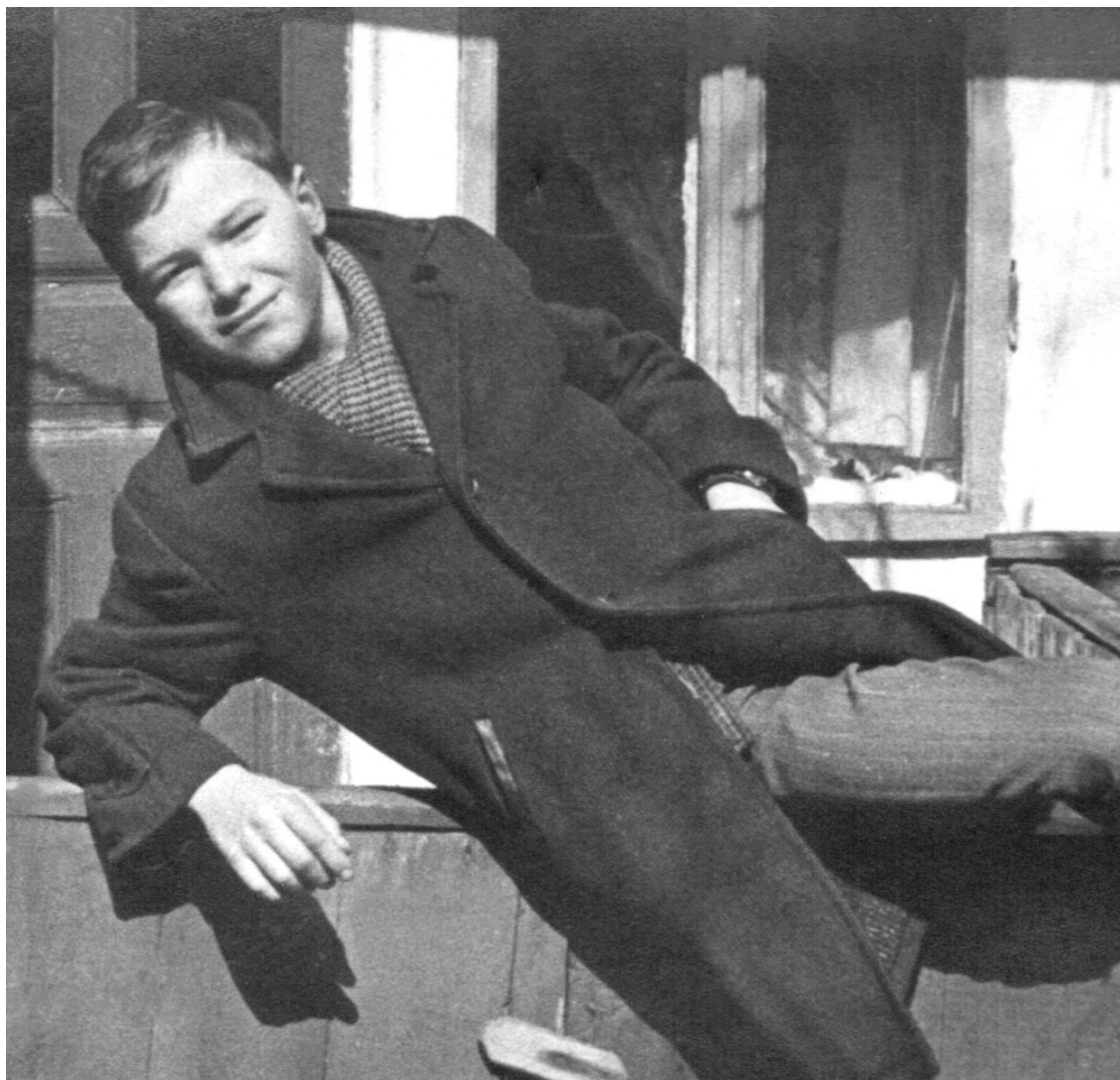
После чего меня за привязанные к рукам цепи выводят за кулисы, а Шурик, всё больше вживаясь в образ злодея, продолжает истекать злобой и ненавистью к советской власти:

– *Что же это за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную тайну и так крепко держат своё твёрдое слово?*

А потом громко, в кулису, как приказание:

– *Поторопитесь и погубите этого гордого Мальчиша.*

Раздаются звуки ружейной стрельбы. Пауза... Тишина... После чего на сцену выскакивает Непобедимая Красная Армия. Главного Буржуина закалывают у всех на виду, и он, шатаясь, на полусогнутых ногах, уходит за кулисы умирать. Остальные разбегаются. Звучит печальная музыка.

Мальчиш-Кибальчиш вырос. 1968 год. А.Шишов

Лия Лавровна хорошо поставленным голосом, без намёка на хрип, не выходя на сцену, откуда-то сверху, пробирая каждым словом до дрожи и слёз, торжественно произносит:

*Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зеленом бугре у Синеи реки.
И поставили над могилой большой красный флаг.
Плывут пароходы – привет Мальчишу!
Пролетают лётчики – привет Мальчишу!
Пробегают паровозы – привет Мальчишу!
А пройдут пионеры – салют Мальчишу!*

Конец спектакля. Мы выходим на поклон. Первыми Шурик и его буржуинское войско – им почти не хлопают, так себе, для приличия. За ними появляются красноармейцы и друзья Мальчиша-Кибальчиша, затем и он сам, уже без кандалов – в красной будёновке. Аплодисменты переходят в овации, звучат задорно, громко, ритмично. Я не могу удержаться, чтобы в этот момент победоносно не посмотреть на Шурика:

«Вот так-то, Шурик. Моя взяла». И, кстати, играть положительных героев совсем не так уж плохо.

РЕМАРКА № 1

2004 год. Одесса. Аэропорт.

– Совершил посадку самолёт рейса (невнятно). Будапешт – Одесса.

Это Шурик с семьёй прилетел в Одессу. Из Нью-Йорка. С пересадкой в Венгрии. Мы не виделись лет двадцать, а то и больше.

Его коренастую фигуру я рассмотрел ещё на таможне, сквозь мечущуюся дверь, выпускающую пассажиров в зал аэропорта. Вот он с женой и сыном катят свои чемоданы мимо толпы суетливых встречающих и приветливых таксистов, буднично предлагающих доставку в город по умопомрачительным ценам. Шурик крутит головой – он знает, что я его встречу, но меня не узнаёт, я стою рядом, сдерживая улыбку, и жду. Он останавливается в нерешительности, ещё раз бегло осматривает встречающих и трогается дальше.

– Шурик, ты куда? – со смехом останавливаю я его.

– Фу, ты, – выдохнул облегченно Шурик, – не узнал... Даже не представлял тебя с длинными волосами.

Мы обнялись и расцеловались.

– А я тебя сразу приметил. Ты нисколько не изменился.

– Конечно, нисколько. Был Шурик-рыжий, а стал Шурик-седой, – по-детски смеётся он.

Аллу, Шурика жену, встречали её друзья, и мы решили разделить, как у них говорят, в трансфере: Алла с сыном Робертом и чемоданами поехали с друзьями, а Шурик со мной.

Болтая, мы прошли на стоянку машин. Я нажал на кнопку пульта дистанционного управления сигнализацией – моя машина ответила двукратным кваканьем и миганием габаритных огней. И тут Шурик забуксовал. Он по инерции сделал несколько шагов вперёд и замер, глядя на только что так приветливо подмигнувшую чёрную Toyota Camry.

– Э-э, – неуверенно начал было Шурик, с подозрением глядя то на меня, то на машину, – я много слышал о русской мафии...

Он пытливо и настороженно посмотрел мне в глаза.

– Шурик, не бойся. Здесь нет русской мафии... Только украинская, – пошутил я.

Шурик задумался, было видно, что он колеблется. Наконец, решил.

– Понимаешь, – подбирая слова, продолжил он, – у меня такая работа... что на ней могут отразиться нежелательные контакты... Да и тебе может повредить общение со мной... Если что...

Я рассмеялся:

– Шурик не волнуйся, я не из мафии. И не госслужащий. Мне ничто не повредит, если ты, конечно, не американский шпион...

– Не шпион, – серьёзно ответил Шурик, – даже наоборот...

– Вот и замечательно. Я абсолютно безвредный обыкновенный предприниматель – законопослушный налогоплательщик... В нашем, украинском, понимании... Это для вас, американцев, сразу очень сложно... Захочешь – как-нибудь расскажу.

Сели в машину. Шурик сразу потянул на себя ремень безопасности. Машина тихо завелась, мы мягко тронулись, медленно объезжая припаркованные автомобили.

– А почему не пристёгиваешься? – поинтересовался Шурик, с интересом поглядывая по сторонам.

– Не хочу.

– Вас за это не штрафуют?

Вместо ответа я неопределённо пожал плечами.

– У вас, наверное, в правилах разрешено не пристёгиваться?

– Запрещено.

– Так почему ты не пристегнулся? Ведь оштрафуют?
– Не оштрафуют. А если и попробуют – дам пару рублей и разъедемся. Кстати, рубли у нас гривнами зовутся. Но скажешь «рубль», тоже поймут.

Одесса. Два добропорядочных семейства. 2004 год. *Н.Шишова (Наташа), О.Шишова (Оля), А.Сегал (Алла), А.Шишов, А.Сегал (Шурик)*

Через несколько дней ближе к вечеру, когда закатное солнце смягчило свои лучи от жгучих до ласковых, по чётной стороне улицы Пушкинской неторопливо прогуливались два добропорядочных семейства. Внешне казалось, что гуляют они бесцельно, словно по Дерибасовской или по Променад дез Англе, однако ноги мужчин подспудно, с настойчивостью литерного поезда, вели в детство – к их общему дому. Вот, наконец, и он. Дом номер восемь. Первая остановка перед фасадом. Справа, на втором этаже, окна бывшей квартиры нашей семьи. Слева, на четвёртом, сквозь ветви мощного платана уютным полукругом виднеется бывший балкон нашего третьего дворового друга детства Сани Сементовского, уехавшего навсегда в Израиль.

Вторая остановка в подъезде, там, задрав головы, мы рассматриваем высокий расписной сводчатый потолок и старинную фреску, еле различимую в тёмном сегменте напротив входа.

Вошли во двор. Остановка номер три. Двор мало изменился, разве что постарел, обветшал и окончательно стал чужим. Если кто-то при слове «двор» представляет уютный тенистый одесский дворик, мощёный вулканическими плитками, с наружными галереями, скрипящими лестницами, огороженными цветниками, водяной колонкой по центру и общественным туалетом в дальнем углу, то он не туда попал. Бывший доходный дом Питкиса для аристократической и респектабельной публики располагал в качестве дворовой территории восьмиугольной асфальтированной площадкой метров двадцать на двадцать, ровной, без клумб и

палисадников, грамотно спланированной, чтобы под небольшим уклоном уносить дождевую воду в единственную решетку «ливнёвки» при входе. Двор всегда казался тусклым, напоминал дно очень глубокого, гулкого, многоглазого, четырёхэтажного и четырёхугольного колодца, с закруглениями в виде размашистых в три окна выпуклых угловых балконов с чугунными завитушками ограждения. Приветливей он не стал. Социальное неравенство начала двадцать первого века наглядно и беззастенчиво поражало. Те, кто побогаче, старательно обходя вотчину соседей-бедняков, окрасили стены вокруг своих окон и балконов в весёлые цвета, кто во что горазд: абрикосовый, коралловый, бежевый, морковный, светло-розовый, лимонный, шафрановый. Выглядело это, мягко говоря, пошлово. Малярное лоскутное одеяло нам с Шуриком воочию подсказало, где ещё остались стойкие старожилы. А для цепких глаз хищных риэлторов оно было бесплатной подсказкой, будоражащей жаждой наживы предприимчивый мозг: «Как бы не упустить. Тут ещё остались нерасселёнными шикарные четырёх- и пятикомнатные квартиры. Можно нехило подзаработать». Реальней всего эта вожденная жилплощадь давно уже находится в разработке на стадии жёсткого и неуступчивого торга, но это не наши проблемы.

Исчезли голуби... Не слышно привычного воркования, напоминающего неторопливую беседу где-то далеко идущих людей.

Мы смотрим вокруг иными глазами: ностальгирующими и влюблёнными. Вот, на втором этаже, в углу, выходящее на балкон соседей по коммунальной квартире, Шурика окно – это информация для его сына. Вот, напротив, мой балкон – это для справки, а вон там, на четвёртом этаже, балкон Саниной тёти, который наш друг пользовал как свой. Мы, трое, находились в прямой видимости. Удобно не только пересвистываться, но и переговариваться на языке только нам понятных жестов. Осмотрели то самое место, где когда-то, недолго, рос одинокий орех. Махнули рукой в сторону второго двора. «Чёрного», как его называли, – заповедника раздолья и таинственных детских игр – с туалетом, краном, пожарной лестницей, сараями и с загадочной крепкой дверью на мощном замке, ведущей в катакомбы. Рассчитывать на встречу со знакомыми соседями не приходилось – большинство из тех, кого мы знали, разъехались по новым адресам, а кто и в другие страны.

Грустно потоптались в центре двора, не находя слов и сглатывая горечь безвозвратно ушедшего детства.

– А вы знаете про нашу с Шуриком драку? – неожиданно вспомнил я.

– Знаем, – хором ответили дети: Роберт и моя младшая дочь Наташа.

– Пошли, покажу, где это было.

Мы вышли из арки подъезда и перешли улицу. Ворота дома напротив были открыты. Вот он, злополучный двор экстремальных развлечений. Поднявшись по ступенькам на площадку, где когда-то стоял теннисный стол, мы с Шуриком, смеясь и подтрунивая друг над другом, попытались по памяти фрагментарно восстановить события давнишнего недоразумения без счастливого конца. Этапы реконструкции наши дети рьяно фиксировали фотоаппаратами.

Так нас и увековечили – Шурик, якобы, меня бьет, а я, якобы, защищаюсь.

Реконструкция события 37-летней давности. 2004 год. А.Сегал, А.Шишов

Вечер закончили в уютном ресторанчике под открытым небом возле Тёщиного моста. Шурик за эти дни наполнился свежими впечатлениями, будто воздушный шар братьев Монгольфье горячим воздухом.

В какой-то момент застолья я покосился на него и увидел СЧАСТЛИВОГО человека. Во-первых, он наконец-то приехал в родной город, во-вторых, он встретил своего старого товарища, а в-третьих, думал Шурик: «Как хорошо, что я отсюда свалил».

#

2.4. Бескрайние подмостки Холодильного института

2.4.1. Боевое крещение

До начала первого выступления оставалось чуть более двух часов. Быстрым, уверенным шагом, пройдя от Городского сада по Пастера до здания Холодильного института, я сбавил темп и, видя по часам, что успеваю к назначенной встрече, неторопливо завернул за угол и вальяжно направился к главному входу. На широком плоском крыльце, переговариваясь и покуривая, группками стояли студенты в отблеске мерцающих огней праздничной гирлянды в честь Праздника. Сегодня день особенный. На вечере, посвящённом Великой Октябрьской социалистической революции, после торжественной части состоится концерт институтской самодеятельности, и наш студенческий театр выступает с несколькими номерами. А для меня, студента-первокурсника, это будет дебют во всех праведных смыслах этого слова.

Среди тёмных фигур, слабо подсвеченных робкими огнями иллюминации, немного обособленно, в стороне, я выхватил взглядом двух парней. Они явно кого-то ожидали. И я знал, кого. Они ждали меня. Это мои друзья по театру – Саша Фаерштейн по прозвищу Фаер и Аркадий по прозвищу Словесник. Немного позже я узнал, что Словесник – это его фамилия (см. Google). Ну, уж очень подходила она моему новому товарищу. В ней было что-то от правильного русского языка, что-то былинное, литературное и творческое. Фамилия так соответствовала Аркадию, что немудрено было принять её за его же прозвище.

Оба высокие, в полумраке похожие на пару Мефистофелей. Саша – Мефистофель добрый, приветливый, бесхитростный. Аркадий – тоже добрый, но с искусительной лукавинкой, из тех Мефистофелей, которые невзначай подталкивают на неблагоприятные поступки. Фаер – широкоплечий, подтянутый, атлетически здорово сложен. Аркадий, ему полная противоположность – неспортивный и не по-мужски жеманный.

Мы сегодня вместе выступаем. Договорились встретиться перед институтом и еще раз проговорить текст. По вузовским меркам, они намного старше меня, и то внимание, которое они мне оказывают, безусловно, льстит.

Фаер уже на четвертом курсе. Кроме театра, он ещё играет в регби за сборную института. Носит короткую стрижку рыжеватых волос, обладает крупным, выдающимся горбатым носом и ярко-красными щеками, покрытыми мелкой сеткой капилляров. «Кровь с коньяком», – любил говорить он, указывая на свои щёки, а для непосвящённых доводил, что его папа ведущий специалист коньячного завода.

Второй мой новый товарищ Аркадий – признанный и авторитетный лидер нашего театра, тяжело уживающийся со своим же непризнанным талантом. Аркадий удивительно сумел в самый короткий срок моего с ним знакомства проявить себя, с одной стороны, глубоким интеллектуалом, а с другой – непревзойденным интриганом. Его второй курс теплофизического факультета никого не должен вводить в заблуждение. Вообще-то, Аркадий поступил в институт пять лет тому назад. За это время он несколько раз бросал учёбу, ездил поступать в театральные училища Москвы, проваливался на экзаменах, возвращался, восстанавливался, потом опять бросал, перебиваясь артистическими заработками на службе в одном из одесских театров. Потом театр-студия киноактёра и очередное восстановление в институте. Надолго ли? Никто, в том числе и сам Аркадий, не знает. Думаю, до следующего острого приступа любви к высокому искусству. Если бы не его классическое плоскостопие, его давно бы уже загребли в армию и быстро выбили дурь из его творческой натуры, лишив и его, и деканат бесконечных жалостливых компромиссов. Сейчас он опять был студентом второго курса, покровительски и слегка по-отечески опекая юных соучеников.

– Корнет, – обратился ко мне Фаер после рукопожатий, – а ты знаешь, что артисту перед выходом на сцену положено пятьдесят граммов коньяку?

Я вопросительно посмотрел на авторитетного Аркадия. Уж кто-кто, а он точно знает, что положено артисту.

Аркадий неторопливо достал мягкую пачку «болгарии», щелчком по доньшку выбил одну сигарету и предложил мне. Затем выбил вторую. Кокетливо оттопырив пальцы, вытащил её за фильтр и выразительно, медленно проведя под носом, понюхал. Удовлетворившись ожидаемым запахом табака, он заученным, молниеносным движением, слегка высунув язык, ритуально лизнул вдоль сигареты, после чего прикурил от любезно подставленной спички в широких ладонях Фаера. Прикурил и я, исподлобья глядя на Аркадия в ожидании, когда же ему наконец-то надоест, как он часто любил говорить, держать паузу.

Аркадий выпустил тонкую струйку дыма в надежде пронзить ею плавающее в воздухе расплывчатое дымное кольцо и наконец-то веско подтвердил слова Фаера:

– Даже больше, чем пятьдесят.

Немного помолчал. Потом хитро посмотрел на меня маслянистыми, плутоватыми глазами и проворковал:

– Граммов по сто... С поправкой на холод собачий.

– Да, сегодня холодновато, – согласился я с ним, демонстративно передернув плечами.

Перспектива глотнуть сто граммов перед выходом на сцену меня категорически не устраивала. Я прекрасно осознавал свои силы и понимал: конечно же, я не упаду в отключке, но вот с памятью могут произойти нежелательные перемены – текст я знал нетвёрдо, и, чтобы ничего не забыть, мне необходима полная концентрация. Тем более что мы читаем поэму Маяковского «Хорошо». От себя ничего не добавить, можно только убавить, но это же позор – смерти подобно. Однако смалодушничать и отказать своим новым старшим товарищам было ещё позорней. И я решил не отвечать ни да, ни нет, положившись на волю случая.

– Заскочим в «Деканат», – уже по-деловому предложил Фаер.

«Деканат» – питейное заведение на углу Щепкина и Советской Армии, в сорока секундах неторопливым шагом от главного входа в институт. Еще был «Интеграл» – подвал, получивший своё название от студентов за траекторию спуска по лестнице вниз. Тоже недалеко – секунд сто тридцать целеустремлённого движения, но там наливали исключительно сухие и полусладкие вина в гранёные стаканы под козырную закуску – конфетку «Южная ночь». Первый месяц в институте, безусловно, расширил мой кругозор. Сам я никогда не был в этих «бадегах», но с интересом прислушивался к обмену мнениями раскованных и обезбашенных сокурсников. Особенно тех, кто начинал свой день пивком на Соборке, а между лекциями успевал отметить в «Деканате» или решить несложную «формулку» в «Интеграле», оставляя на неурочное время более глубокие и длительные вычисления со многими неизвестными.

Размышления Аркадия и Фаера по поводу артистических ста граммов неожиданно прервались. Мимо нас, едва не задевая плечом, нетвердой походкой глубоко пьяного человека пробирався мужчина. Его длинный светлый расстегнутый плащ и мягкая шляпа, претенциозно надвинутая на брови, подсказывали, что ещё в недалёком прошлом, всего несколько часов тому назад, он был человеком культурным, воспитанным и, не исключено, по совместительству и образованным. Услышав ключевые слова «Деканат» и «коньяк», он резко затормозил. Остановился, покачиваясь и борясь с силой инерции. Неспешно развернулся в нашу сторону, смешно выискивая опору в воздухе широко расставленными руками, и вперился в нас блуждающим взглядом из-под нависающих прямых полей фетровой шляпы.

Первым отреагировал Фаер:

– В чём дело, дядя?

Мужчина долго копался, отыскивая что-то в карманах плаща, затем, видимо, всё же вспомнив, радостно запустил руку в боковой карман пиджака и извлёк бутылку коньяка.

– Составите компанию? – еле ворочая языком, предложил он.

«Вот как выглядит воля случая, – пронеслось у меня в голове, а далее возникла вполне логичная математическая выкладка. – Пол-литра на четверых, это уже не по сто, как говорил Аркадий, а по сто двадцать пять граммов коньяка на человека. Как предпочтительный вариант: мужчине как хозяину бутылки двести граммов, Аркадию с Фаером граммов по сто тридцать пять, остальное, так и быть, мне, за компанию, для запаха. И очень важно чем-то закусить, чтобы не пахло. Не люблю, когда пахнет. Очень стрёмно.

– Что? Из горла? – иронично спросил Аркадий, обращая при этом широким жестом внимание, что мы не в подворотне какой-то записанной стоим, а на крыльце своей Альма-матери.

– Понял, – кивнул мужик, – за мной.

Раскачиваясь и поблёскивая зажатой в руке бутылкой, он тяжело шёл перед нами. Мы же с настороженным, почти заговорщическим видом, ещё до конца не понимая происходящего, гуськом двинулись за ним. Как мне показалось, Аркадий специально пристроился за моей спиной, чтобы я не сбежал. Видимо, он тоже сделал в уме кое-какие арифметические действия, в ответе которых было моё обязательное присутствие.

Дверь в «Деканат» мужчина открыл, навалившись на неё всем телом. Он буквально провалился в маленькое, внезапно оказавшееся ярко освещенным неоновыми лампами, неприглядное помещение, пропахшее разлитым вином и неистребимыми парами перегара. Устояв на ногах, наш неожиданный благодетель сосредоточился чуть ли не до чеканного строевого шага и чётко подошел к стойке.

– Стаканы... радость моя, – небрежно бросил он, борясь с неподдающейся артикуляцией и цепко держась за мокрый край прилавка.

Фаер наклонился к Аркадию и тихо прошептал:

– Ты видел? Он тут свой человек...

Досказать свою мысль Фаер не успел. Мужчина молча раздал нам по гранёному стакану и принялся неторопливо, часто вздыхая, как будто его мучила отдышка, снимать с бутылки крышечку из фольги, называемую в народе «бескозыркой».

– Коньяк армянский, три звёздочки... были пять, но все вышли... – еле слышно бормотал он сам себе под нос и вдруг неожиданно громко прикрикнул: – Держите стаканы ровно... Рядом держите.

Мы послушно, со звоном, сомкнули пустые стаканы и заворожено смотрели на золотистую жидкость, фатально льющуюся в подставленные казённые ёмкости.

Мужчина разлил всё содержимое бутылки идеально поровну в три стакана. В соответствии с прозвучавшим немелодичным горловым урчанием он остался удовлетворён своей филигранной работой.

«Вот здорово, – обрадовался я. – Видимо, он увидел, что мне нет ещё восемнадцати, и исключил из числа собутельников».

Я не в обиде. Даже рад этому. Посчитав быстро в уме, что теперь на каждого будет по сто шестьдесят шесть и шесть в периоде граммов коньяка, не забыв при этом понадеяться, что расчетное количество алкоголя не помешает моим крепким, здоровым и опытным старшим товарищам без накладок выступить на вечере, я, наивно улыбаясь, протянул свой полный стакан щедрому мужчине со вполне уместными в этом случае словами:

– Вот, пожалуйста. Ваш стакан.

Мужчина замер, сдвинул указательным пальцем шляпу на затылок и посмотрел на меня прозрачными, испытymi, слезящимися глазами и произнёс, пытаясь захватить дрожащими пальцами убегающий пояс плаща:

– Я уже не могу. Пейте сами, – и тяжело привалился к стенке.

Я посмотрел на своих старших товарищей. Аркадий был явно доволен привалившему «на шару» коньяку. Фаер выглядел озабоченным. Меня же охватила паника. Мой взгляд метался

по замкнутому пространству «наливайки» тщетно ища если не поддержки, так хотя бы сочувствия. Белый кафель стен безмолвствовал. Мужчина, привалившись к его прохладной поверхности, казалось, уже заснул. Ещё раз мельком бросил бегающий взгляд на ребят. Сочувствия не было, а признаться в своей слабости Аркадию и Фаеру было выше моих сил. Ложное ощущение взрослости предательски заткнуло рот, и я уже ничего не мог сказать в ответ на тост Фаера:

– За премьеру, корнет. Вздогнули.

– С боевым крещением, – подхватил Аркадий, в предвкушении облизывая влажные блестящие губы.

Я посмотрел в свой стакан. Тёмная янтарная жидкость безжизненно мерцала неприветливым презрительным холодком. Выхода нет... Омут. Гроза. Катерина. Обрыв. Смерть... А как всё хорошо начиналось ещё каких-то неполных полтора месяца тому назад.

2.4.2. Непреодолимая тяга к искусству

Первого сентября 1972 года Холодильный институт распахнул символические двери в мир высшего образования и из вожделенного образа безмерного сурового серого здания напротив Университета перевоплотился в единственную и неповторимую Альма-матер. Понадобилось немногим меньше месяца на адаптацию, ассимиляцию и поэтажное ориентирование, чтобы понять – учёба это вторично. Главные события происходят за массивной, оббитой коричневым дерматином дверью актового зала, где в счастливых муках творчества, прикрываясь плановым репетиционным периодом, рождается особенная аура неформального общения.

По возрасту мы были намного младше Антуана де Сент-Экзюпери и в эйфории безлимитной коммуникации могли себе позволить с лёгкостью исказить его известную цитату, называя наши взаимоотношения счастьем или радостью человеческого общения. Когда подросли, поняли, насколько прав французский лёгчик, точно указав, что человеческое общение – это «роскошь». И как любая роскошь, для всех она, увы, недоступна. Редким индивидуумам она безразлична. Некоторые обладают ею от рождения. Остальные к ней стремятся, стараясь отыскать в себе и в других, таких же ищущих понимание путниках, объединяющие качества: по духу, интеллекту, мировоззрению и другим связующим признакам, даже по полу и цвету обоев.

— *Знаешь, отчего хороша пустыня?* — сказал Маленький принц. — *Где-то в ней скрываются родники.*

Первого сентября знакомство с Актовым залом происходит совершенно естественно – торжественное вступление в новую жизнь. Вчерашние абитуриенты, позавчерашние школьники и уже сегодняшние студенты шумно рассаживаются в креслах просторного, высокого, приветливого, залитого солнечным светом зала с огромными во всю стену окнами, выходящими с одной стороны в обширный институтский двор, а с другой – на уютную тенистую улицу Щепкина.

Сцена в жёлто-золотистых цветах тяжёлого бархата кулис мерцает манящим сиянием алтарной непостижимости. По центру в томительном ожидании с одиноким графином посередине скучает длинный стол, покрытый красной скатертью. Еще несколько минут, и за ним рассядутся те, с кем предстоит познакомиться и на ближайшие пять лет подружиться: деканы факультетов со своими заместителями, парторги всех уровней, секретарь комитета комсомола с приближёнными активистами, проректоры и, конечно же, живая легенда холодильной промышленности – ректор Мартыновский Владимир Сергеевич.

Ожидание затягивается, но это нисколько не утомляет, даже наоборот. Голова, словно на шарнире, без усталости вращается на полные 2π радиан, отыскивая среди первокурсниц симпатичных девочек. Рассматривая очередной перспективный объект, возникает насущная задача – сориентироваться на ходу, к какому из факультетов относится загадочная красавица. От этого увлекательного занятия отвлекает заведующая студенческим клубом – молодая высокая сим-

патичная женщина с высокой копной выбеленных волос и обаятельной улыбкой. Студенты обращаются к ней по имени Валентина или Валя, как пионеры к пионервожатой. Валентина добросовестно обходит ряды и записывает желающих первокурсников в различные, как она говорит, творческие коллективы институтской самодеятельности. Дошла очередь и до меня. Я тут же записался практически во все труппы, группы и ансамбли, включая вокально-инструментальный, театр, народные и балльные танцы.

– И ты везде успеешь? – смеясь, записывает Валентина мою фамилию в очередной список. – А учиться когда будешь?

– Я что, сюда учиться пришёл? – последовал мой остроумный ответ в шутливой тональности её заразительному смеху.

Поведя по сторонам глазами, я удовлетворённо заметил, что моя шутка вызвала одобрительный смех не только среди моих товарищей, но и прыскающий смешок сидящих перед нами прехорошеньких барышень в модных причёсках и больших круглых очках-стрекозах со сменными стёклами.

Ни в какие кружки и коллективы я, конечно же, сразу не пошёл. Решил присмотреться и выбрать что-нибудь одно. Организм, измученный однообразной напряжённой учебной последним выпускного школьного года, требовал, в качестве глотка пресной воды посреди океана, основательной творческой разрядки.

Конечно, в школе мы не были роботами, механически грызшими гранитные семечки экзаменационных билетов. Были праздники и на нашей улице имени школьной самодеятельности.

Несмотря на довлеющий пресс подготовки к поступлению в институт, нам с другом Митей, Димой Еренковым (см. Google – Dmitry Erenkov), удавалось время от времени собираться и поиграть на гитарах.

В нашем ансамбле появились две поющие девочки из восьмого класса, но такие, что по всем параметрам дадут фору десятиклассникам. Одну из них звали Иришка Кроник, но о ней попозже. Однажды, на 23 февраля, мы выступали перед матросами в морском военном порту. Наши девочки имели оглушительный успех. Сложилось впечатление, что военнослужащие нас, музыкантов, на сцене попросту не замечают. Так продолжалось, пока после «Червоной руты» и «Александрины» «Песняров», мы не врубили «Ob-la-di ob-la-da» Beatles и «Yellow river» Christie. Отхлопав положенное и даже сверх меры, отблагодарив нас за разбитные иностранные песни, матросы, старшины и офицеры потребовали на бис «Червону руту» с нашими пританцовывающими и поющими девочками. Их, служивых, понять можно – «Руту» так «Руту», смотреть не вредно. Три раза сыграли на бис...

Однажды мы полным составом нашей группы, правда, без девочек, но с барабанщиком Келой (Колей Мирошниченко), совершили дерзкую вылазку. Играть же хочется – творческие личности требуют зрителя и признательности. Узнал как-то Митя, что в школе на Юго-Западном массиве, в которой он раньше учился, а его мама преподаёт историю, намечается вечер с танцами. Играть пригласили курсантов артиллерийского училища. Мы тоже приехали, так, на всякий случай, с медиаторами в карманах. Митю по благу, без проблем, дежурные пропустили в школу, а потом и нас, за компанию. Мы вели себя скромно, танцевали, присматривались, а когда музыканты объявили перерыв, просочились за кулисы. Курсанты не возражали, чтобы кто-то поиграл вместо них. Их скудный репертуар истощился, а впереди ещё второе отделение.

Мы начали с «Александрины» – фирменной песни Мити. Как настоящий белорус он исполнял её на правильном родном языке, душевно и очень проникновенно, до мурашек по коже. Митя только-только запел, и я заметил, как процесс узнавания своего бывшего соученика цепной реакцией ликующего телеграфа волной прошёл по залу. Митю и в этой школе помнили и любили. Ещё я заметил, как ирония курсантов сменилась удивлением, а удивление сосредоточенным вниманием. Один из них, выглядывая из-за кулис, диктовал аккорды, которые Пит

(Петя Удис, см. Google) брал на грифе гитары, а второй, быстро их записывал. Примерно так: «До мажор», «Соль мажор», «Фа диэз» и т. д. Мы с курсантами уговорились на пять песен. Три убойные оставили на потом, а пока, после медленной «Александрины» звучит интимная и мелодичная «Yesterday». Опять успех. В проёме двери в зал появились силуэты взрослых – это преподаватели подтянулись послушать повзрослевшего сына Галины Алексеевны Ропотан.

А потом, буквально, грянул «шок» среди ясного голубого неба – из репертуара группы The Shocking Blue, песня «Venus», она же «Шизгара». Короткое гитарное вступление на двух аккордах, глиссандо на басу – и понеслось... Мы рвали струны и стереотипы. Наши образы были под стать терзающим селезёнки ритмам. Никаких пиджаков и галстуков – цветастые пёстрые расстёгнутые на три верхних пуговицы рубашки и водолазки. У двоих из нас, у меня и Келы, даже настоящие потёртые джинсы. Свои я надел за кулисами. Ходить в них по улице было крайне неприлично, но для сцены, в эпоху неувядающих хиппи, – они были в самый раз. Ну и что, что я их купил уже затёртыми до дыр между ногами за пятнадцать рублей – новые сотню стоили. Ну и что, что я пришел, как мог, две огромные чёрные кожаные латки и выглядел в них как кавалерист в галифе – это если снизу внимательно присматриваться. Ну и что, что я их прятал и дома никому не показывал – целее были. Ну и что, что они с чужого, так сказать, плеча: большие в талии, и спадали, – а ремень-то на что. Так это же были д-ж-и-н-с-ы. Настоящие. Американские. С буквами «usa» на бегунке zipperа. Какой-никакой, Levi Strauss, а не индийский ширпотреб – извините за выражение, доки. А если заправить их в полусапожки, а сверху надеть навыпуск (чтобы прикрыть сборки на талии) чёрный гольфик с короткими рукавами (без спроса стащил на вечер у Алика, мужа моей сестры), так это уже андеграунд в чистом виде.

Короче, катаем «Шизгару»... Вы бы видели, что произошло с залом! Ребяتيшки как с цепи сорвались. Кинулись танцевать все, без исключения, и ещё подпевали нам в припеве. Руки вверх вскинули, прихлопывают, покрикивают. Ну и мы не отстаём. Всё, как положено: ручки громкости гитар выкрутили на максимум, на усилителях тоже, сами пританцовываем, головы закидываем, мотаем чуть длиннее нормы выросшими волосами, улыбаемся друг другу и залу – ни дать, ни взять, профи. Не останавливаясь, пошли на второй заход. Нравится всем. И нам, и школьникам. Особенно нам.

Ко второму куплету третьего захода исполнения самой популярной песни Юго-Западного массива 1972 года на сцену сквозь бушующую толпу утратившей моральный облик советской молодёжи прорвался военрук, естественно, отставной военный. Он даже в форме был с полковничьими погонами. Резво, по-военному чётко, раскрасневшийся от волнения и раздражения, он целеустремлённо протопал к ближайшему микрофону, вырвал его, ни в чём не повинного, из стойки, крепко зажал в руке, будто это боевая граната без предохранительной чеки, поднёс ко рту и, блестя разлетающимися в разные стороны капельками слюны, проколотал на весь зал:

– Пр-р-рекр-р-ратить экстаз!!!

Какая-то сволочь тут же отключила нам аппаратуру.

Затем военрук обратился к нам, занеся микрофон над головой, как ту самую пресловутую гранату, только для броска. Категорически, в состоянии близком к апоплексическому удару, он без малейшего намёка на вежливость и терпимость, попросил нас удалиться. Что мы триумфально и сделали. Прихватив вещи, спустились неторопливо в зал и через расступившуюся толпу школьников, глядевших на нас счастливыми и обалдевшими глазами, неспешно, с достоинством гонимых гениев, вышли вон. Меня обескуражило огромное количество влюблённых глаз симпатичных девочек. Увы, я не мог остаться – в окружении военрука, физрука и ещё каких-то мужчин-педагогов нас провели до самого выхода из школы. Митя так же разделял мою досаду от потери поклонниц. Перед последним шагом на морозную улицу он развернулся

и на прощание провожавшим почитательницам веско пообещал, помахав для убедительности рукой:

– Мы обязательно вернёмся.

В нашей школе № 117 между двумя параллельными классами сызмальства происходило принципиальное соперничество. То ли это футбол, то ли волейбол, то ли КВН в четвёртом классе, то ли олимпиады – противоборства разыгрывались не на шутку. После последнего ничейного выяснения отношений в КВНе десятого класса на тему «Химия вчера, сегодня, завтра» наступила полоса совместного творчества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.